

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

9-10
(1022)

ISSN 0132—2141

Вокруг

мяча

Сборник составил и оформил
Н. Л. ЕЛИН.

Библиотека Крокодила № 9—10

ВОКРУГ МЯЧА

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987 г.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

ВОКРУГ МЯЧА

Нам очень дорог час, в который,
Любовью пылкою звуча,
Кружатся наши разговоры
Вокруг мяча.

Мы все бываем на футболе
И, если схватка горяча,
Мы славим тех, кто виден в поле
Вокруг мяча.

Какой болельщик безучастен
И не волнуется, крича,
Когда кипят умы и страсти
Вокруг мяча?

На этих нескольких страницах,
Смеясь — и кой-чему уча,—
Мы вам расскажем, что творится
Вокруг мяча.

ПЯТЬДЕСЯТ ФУТБОЛЬНЫХ ЛЕТ

Более полувека прошло с того дня — 22 мая 1936 года, — когда был сыгран первый тур чемпионата СССР по футболу для клубных команд. На Западе принято считать, что именно с этого момента страна-хозяйка переводится в мировой классификации в державы с высокоразвитым футболом. Условное, конечно, определение: никто официального мандата или аттестата зрелости никому не выдает, но свой резон в такой негласной констатации есть. Во всяком случае, при выяснении уровня развития футбола в данной стране неизменно возникает вопрос: а клубный чемпионат у них проводится?

Мы на такой вопрос с гордостью можем ответить, что находимся на старте юбилейного и что журнал «Крокодил» отмечает эту дату лестным для нашего футбола подарком — выпуском специального сборника на футбольную тему с участием коллектива авторов из числа крупнейших поэтов, прозаиков и художников.

Я непосредственный участник всех довоенных чемпионатов СССР, и у меня возникает естественное желание познакомить в этом предисловии читателя с предысторией развития футбола у нас в стране.

Кто и когда первый ударил по мячу в России, установить невозможно. Парадоксальное начало ознакомления, не правда ли? Но это в действительности так. Известно, что первые признаки футбола, согласно дореволюционной периодике, появились на окраинах Ленинграда, Москвы и украинских промышленных центров еще в конце семидесятых годов прошлого века — «бородатые дяди в коротких брюках увлеченно бегали за мячом, в перерывах освежаясь пивом и подкрепляясь бутербродами...».

Позднее взрослые первопроходцы в конце века организовались в клубы, а свои пустыри и поляны оставили мальчишкам для буйного произрастания «дикого» футбола.

Столица России Санкт-Петербург стал застрельщиком организованного футбола, создав в начале века городскую лигу, объединившую местные клубы. В 1911 году столичному примеру последовали Москва и ряд южных центров — Одесса, Харьков, Николаев...

В международных встречах в первые годы своей организо-

ванной деятельности российские клубы успеха не имели. Приезжавшие в Россию гастролеры из-за рубежа, как правило, с крупным счетом обыгрывали русских. Поражение терпели и клубы, и сборные команды.

Сильнейшие петербургский и московский клубы, соответственно «Спорт» и «СКС», проиграли в 1911 году чешской команде «Коринтианс» ноль — шесть и один — пять. А встреча на уровне сборных России и Англии закончилась со счетом одиннадцать — ноль в пользу английских футболистов.

Но главная конфузия произошла на другой год в Стокгольме на Олимпийских играх 1912 года.

Ноль — шестнадцать!

С таким счетом сборная России потерпела поражение от сборной Германии в утешительном матче.

— Ну, пропусти один, пропусти два, но... шестнадцать!!! Это уж действительно... — рассуждал рядовой любитель футбола.

Однако народная мудрость учит: за одного битого двух небитых дают. Чему-то научила и дебютная олимпийская катастрофа. Так или иначе, но первое поколение советских преемников получило эстафету от стойких первопроходцев, которые крепко помнили триединую ипостась футбола — честь, сила, красота! И передали ее, как первую заповедь, новому поколению.

Так началось произрастание советского футбола и вширь и в рост под девизом «Один за всех — все за одного». Последовали времена процветания — победы сборной РСФСР в скандинавском турне (1923 г.), турецкий цикл (1924—1935 гг.), победа над чешскими профессионалами (1934 г.), затем баски (1937 г.), Болгария (1940 г.), английское турне динамовцев (1945 г.) и всем известные взлеты в Мельбурне, Париже, Лондоне.

А Хельсинки, а те же баски, а Чили, а Испания, а целый ряд других поражений? — зададут мне вопрос искушенные читатели.

Я отвечаю, что побед без поражений не бывает, что смена настроений в зависимости от результатов матчей и есть природный генезис произрастания рекордов в спорте. Чемпионат асе страны, на мой взгляд, является как бы метеослужбой футбольной погоды для отдельных клубов. Разумеется, прогнозы и в стихах и в прозе занимают большое место и оказывают огромное влияние на развитие любимой народом игры.

Диапазон взаимодействия футбольного мяча на людей и наоборот не поддается исчислению — все человечество причастно к этому феномену. Я свидетельствую об этом как дебютант первого чемпионата в последующем в составе «Спартак», сборных команд Москвы, РСФСР и СССР, извездивший всю планету и своими глазами видевший оживленную реакцию на футбольное действо Сикейроса и Пабло Неруды на стадионах

Южной Америки и неумную страстность мальчишек проникнуть на стадионы Сингапура.

Полемики, возникавшие в ЦДЛ (Центральном Доме литераторов) в поисках неуловимых истин, выявляли только приверженность оппонентов к тому или иному клубу. «Над схваткой» никому встать не удавалось: сине-белые, красно-белые, красно-синие, бело-черные, соответственно динамовцы, спартаковцы, армейцы, торпедовцы в конечном счете выдавали свои пристрастия к цветам спортивной формы любимых команд. Например, ироничный А. К. Гладков вообще не скрывал своих симпатий к «Локомотиву».

В этих спорах, как ни тривиально прозвучит фраза, я все же ее скажу: «Не рождалась истина», — но существенное приближение к ней наличествовало. А как иначе определишь мудрое обобщение Юрия Трифонова, впервые высказанное им в писательском клубе, — «интеллектуальный футбол». Действительно, арифметические выкладки, заполнившие футбольные статьи и обозрения, смывались одним емким всеобъемлющим термином, воздействующим на все «свинцовые мерзости», относимые в свое время журналистом Мартыном Мержановым в рубрику «антифутбола», — рубящие подкаты, договорные ничьи, умышленные грубые приемы.

Футбольные поля подлежат прополке. Иначе сорняк негативных явлений быстро заглушит менее стойкие газонные культуры. Футбольная действительность будет терять свою привлекательность. Метеослужба — чемпионат страны — отметит ухудшение микроклимата во всех регионах. В этом смысле весьма своевременным представляется выпуск книжки «Вокруг мяча», авторы которой, как я уже сказал, известнейшие поэты, прозаики и художники. Следует подчеркнуть, что часть материалов этого сборника была опубликована много лет тому назад, однако не потеряла своей актуальности и до настоящего времени. Сам факт отзвука на футбольную тему такого элитного отбора работников творческих цехов выводит книгу за рамки очередной новинки на популярную тему. И должен привлечь внимание не только любителей футбола, а и более широкого круга книголюбов, которым интересно будет познакомиться со взглядами, высказанными в сатирической и юмористической формах.

*Андрей СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта СССР.*

«ФУТБОЛ»-«ХОККЕЮ»: ДАЙ МЕДАЛЬ ПОНОСИТЬ.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Я часто задумываюсь: имеет ли моя любовь к футболу какую-то цель? И не только моя, а любовь к футболу Лени, Алеша, Сидора и еще ста тысяч других поклонников кожаного мяча. В чем корень нашего увлечения? Я, например, никогда не играл в футбол. Один раз в жизни в пионерском лагере меня силой заставили играть левого защитника, но, так как я был не очень подвижен и редко попадал по мячу, меня заменили в начале первого тайма. И точно так же не играли в футбол ни Ленья, ни Алеша, ни Сидор, ни Иван, никто из десятков тысяч других поклонников кожаного мяча. Они играли примерно так же, как и я, в пионерлагере. И даже еще хуже.

В чем же дело? Почему мы так любим смотреть с высоты двадцатого ряда на беготню маленьких проворных человечков по зеленому полю? Ей-богу, это загадочное дело. Можно год ломать себе голову — и ничего не придумаешь. У нас ведь нет футбольного тотализатора, мы не заинтересованы в выигрыше так, как заинтересованы посетители ипподрома, — наша любовь чиста и бескорыстна. Иногда я думаю: «Ну хорошо, выиграет «Спартак» — ну и что дальше? Мне-то что с того? Может, у меня перестанут болеть зубы? Или прибавится страница в ненаписанном романе? Или, может, уменьшатся мои долги?»

«Спартак» выигрывает, я счастлив, но зубы болят по-прежнему. И роман — ни с места. Я бы назвал нашу любовь к футболу платонической, от которой, как известно, нет никаких выгод.

Среди болельщиков существует легенда, что какой-то человек умер на стадионе во время игры. Говорят, он был сердечник и очень переживал за свою любимую команду, чуть ли не за «Спартак». И вот от волнения, наблюдая, как вратарь вынимает очередной мяч из сетки ворот, он умер. Конечно, он все же переборщил. Умирать на стадионе, где все кругом кипит здоровьем, бодростью, где играет музыка, едят мороженое, как-то ни к чему.

Впрочем, болельщики и соврут — недорого возьмут. Но что-то похожее было. Он, может быть, не до конца умер, а получил только первый инфаркт и свалился без сознания. Может, ему голову напекло. Или, возможно, попался сосед, динамовский болельщик, который всю игру раздражал его своими ехидными и остроумными замечаниями.

Но факт серьезный. Он говорит о том, что мы, болельщики, действительно «болеем» и можем умереть при случае, и с этим надо считаться. Если подойти к вопросу с научной точки зрения, то можно такого наговорить: и насчет психологии масс, и насчет самой сути игры, философии игры, что ли, и так далее.

Но не надо говорить о футболе научно. Невыносимо читать футбольные статьи и отчеты, написанные примерно в таком стиле: «Кривая подаемости во втором тайме резко регрессировала за счет турбулентности действий квинтета нападающих, наступательный потенциал которых...» Я понимаю, что некоторым футбольным специалистам не терпится обнаружить свою широкую образованность, но нам-то, читателям, каково?

И потом, не надо думать, что в футболе все можно понять и научно объяснить. В футболе есть вещи необъяснимые, так же как и в нашей любви к нему. Французы говорят: «Я люблю потому, что люблю».

К этой же области желания все до конца понять и научно объяснить относится мучительный спор насчет того, в чем красота футбола. Одни считают, что красота — в количестве забитых мячей, другие видят ее в изысканной, композиционной борьбе, третьи простодушно признавались, что для них красота — в победе, пусть даже в один мяч, забитый с сомнительного пенальти.

Можно бесконечно продолжать этот спор. Правы все, и не прав никто.

Красота футбола вот в чем: в ясном голубом небе раннего лета, когда сочно и опьяняюще пахнет свежая зелень, и трава промывта недавним дождем, и скамейки еще не совсем просохли, и мы подстилаем газеты и садимся, и футболисты с белыми, еще не загорелыми ногами, в ярких футболках первые минуты поскальзываются на сырой траве, но потом все налаживается, игра идет ни шатко ни валко, по-весеннему, кто-то забивает случайный гол, и зрители шумят и аплодируют, взлетает вверх голубь, кто-то свистит, и вратарь в кепке с большим козырьком лениво разбегается, бьет по мячу, и гулкий кожаный стук разносится далеко и четко.

И в сером дождливом небе тоже есть красота, когда мы сидим, накрывшись втроем одним плащом, и мокрые зонты отливают свинцово, и так же свинцово блестят лужи на поле, и футболисты грязны с головы до ног, и вид у них отчаянный и ожесточенный, и, когда они выходят во втором тайме, на них те же грязные, мокрые насквозь футболки, потому что у них не было времени переодеться — весь перерыв они спорили и винили друг друга и не было охоты.

И в июльском палящем жарком небе тоже есть красота, когда солнце сверкнет на трубах оркестра, и звуки гимна, рваные от ветра, разносятся над стадионом, и тысячи людей встают одновременно, и сердце сжимается от радостного нетерпения...

«Снова весна»,—говорит художник, глядя на обнаженную землю с рыжей и влажной прошлогодней листвой.

«И снова любовь»,— говорит девушка, которой надо готовиться к экзамену по теории права.

«И снова футбол»,— говорит человек, купивший зонтик в магазине, и радуется неизвестно чему.

ИГРА КОМАНД ПО СИСТЕМЕ 1-4-2-3 ПРОШЛА
В ДРУЖЕСТВЕННОЙ И СЕРДЕЧНОЙ ОБСТАНОВКЕ.

Рисунок КУКРЫНИКОВ.

Юрий ОЛЕША

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

(Из записных книжек)

Могу сказать, что видел зарю футбола. Мы, гимназисты, шли по Французскому бульвару и сворачивали в переулок, где виднелась воздвигнутая с целью рекламы гигантская бутылка шампанского... Пусть не подумает читатель, что путь этот проходил среди урбанистических красот, — так может подумать читатель в связи с названием бульвара и этой рекламной бутылкой; нет, наоборот, Французский бульвар — это скорее в пригороде Одессы, гигантская же бутылка стояла за серым забором, среди лопухов, бурьяна и рекламировала не самую продажу шампанского, а просто указывала, что поблизости его склад.

А может быть, ее привез торговец шампанским из Франции и потом просто не знал, куда ее поставить... Поставили в переулке — о, даже просто в проезде, пыльном, узком, между заборами, но, как кажется мне, все же прелестном, поэтическом, поскольку это было на берегу моря, и по сторонам переулка, на высоте его, можно было увидеть и вырезной балкон, и откуда-то свисающую розу.

Пыль, солнце склоняется к западу, воскресенье... В середине переулка толпа, давка. Там широкие деревянные ворота, которые вот-вот вдавятся внутрь, лопнут под натиском желающих проникнуть на... на стадион? Нет, тогда еще не употреблялось это слово. Просто — на матч!

Посредине поля стояла полуразвалившаяся стена, я шел вдоль нее среди бурьяна, чертополоха... Стена метров в тридцать длиной, так что я успевал бывать в тени, в которой так полно, такими чашами розовели чертополохи. Где-то на высоте в стене были дыры в тех местах, где до разрушения были окна. Эти дыры в некоторых случаях были огромными, сливавшимися с небом, иногда наоборот, они заросли чем-то шатающимся под ветром... Я редко смотрел наверх, поскольку рядом со мной вились ленты разговора о футболе, о футболистах.

Мы шли на поле Спортинг-клуба, чтобы посмотреть на очередной матч.

— А кто беки? — слышал я рядом.

— Борька Мизерский и...

Кто еще, кроме Борьки Мизерского, я не успел услышать, так как те двое уже обогнали меня. Но я и сам знал, что второй бек — Тихонюк.

В те годы, на заре футбола, беками назывались двое игроков защиты (тогда игроков защиты было два). Впрочем, название это держалось довольно долго — уже в советском футболе. Беки: полузащита (трое в линии) — хавбеки; нападающие — форварды. Вратарь называется голкипером. По всей вероятности, я не сообщаю ничего нового знатокам футбола.

Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала.

Трибун не было. Какие там трибуны! Само поле не было оборудованным, могло оказаться горбатым, проросшим среди травы полевыми цветами.

По бокам стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояли или, особенно по ту сторону ворот, сидели. И что за зрители! Повторяю, мальчишки, подростки.

Тем не менее команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее разыгрывался календарь игр, тем не менее выпускались иногда даже афиши.

Мои взрослые не понимали, что это, собственно, такое — этот футбол, на который я уходил каждую субботу и каждое воскресенье. Играют в мяч... Ногами? Как это — ногами? Игра эта представлялась зрителям неэстетической, почти хулиганством: мало ли что придет в голову плохим ученикам, уличным мальчишкам! Напрасно мы пускаем Юру на футбол. Где это происходит? На поле Спортинг-клуба, отвечал я. Где? На поле Спортинг-клуба. Что это? Ничего не понимаю, говорил отец, какое поле?

— Спортинг-клуба,— ответил я со всей твердостью новой культуры.
...Я ни на что не хочу жаловаться!

Я хочу только вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде «Спортинга», позируя Перепелицину для фотографии перед матчем. Он стоял поближе к грелке, если смотреть со стороны теннисных площадок, на том участке по дороге к грелке, который примыкает к забору, но весь в траве, весь ровно зеленый, хоть и в тени, хоть и под забором. Гриша Богемский, повторяю, был в белой одежде «Спортинга». Так ли это? «Спортинга»? Просто в белой одежде. Если бы «Спортинга», на груди у него виднелся бы синий знак клуба, этот небольшой синий с белым щиток. Это, во-первых, щиток, а во-вторых, вряд ли разрешили бы ему на гимназические состязания прийти в клубной форме... Он и сам не пришел бы! Итак, просто белая одежда — белая, тонкая-тонкая нитяная рубашка и белые трусы. Тогда то, что теперь называют майкой, фут-

болкой, называли просто рубашкой, хотя это была та же майка, футболка, обтягивающая туловище, а сейчас на Богемском кажущаяся мне прямо-таки гипсовой... На ногах у него черные чулки, завернутые на икрах неким бубликом и оставляющие колени голыми, а также и ботсы — старые, сильно разбитые, скрепленные, как скрепляют бочки, в обхват подъема кожаными завязками. Самое удивительное — это всегда меня удивляет, когда я вижу Богемского или о нем думаю, — это то, что он не смуглый, не твердолицый, а, наоборот, скорее рыхловатой наружности, во всяком случае, он розовый, с кольцами желтоватых волос на лбу, с трудно замечаемыми глазами. Иногда на них даже блестят два кружочка пенсне! И подумать только: этот человек с неспортивной наружностью — такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой. И не только в Одессе — в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих, умение водить. Гораздо позже я узнал, что это умение водить называлось дриблингом. О, это было одним из самых захватывающих зрелищ моего детства, кричавшего вместе со всеми в эту минуту, вскакивавшего, аплодирующего... Лучше всех водил Богемский! Не то что лучше всех, а это был выход поистине чемпиона!

И странно, пока Петя наводит на него коробочку своего аппарата, он стоит с видом просто какого-нибудь репетитора... Нет! Нет-нет, приглядишься, дурак! Что ясе, разве ты не видишь необыкновенного изящества его облика, его легкости, его — секунда! — и он сейчас победит, и все поле победит за ним, публика, флаги, облака, жизнь!

Такой игры я впоследствии не видел. Я не говорю о качестве, о результативности — я говорю о стиле. Это был, говоря парадоксально, не бегущий форвард, а стелющийся. В самом деле, если смотреть на поле как на картину, а не как на действие, то мы видим бегущих футболистов, фигурки в основном с прямыми торсами — именно так: при быстром движении ног, при некоей колесообразности этого движения торс футболиста остается выпрямленным. Богемский бежал лежа. Может быть, этот стиль в свое время повторял единственно Григорий Федотов, столь поразивший своих первых зрителей.

Я собирал деньги на приобретение ботсов. Нужно было внести пять рублей — в этот миг я уже получил бы их. Затем следовало бы внести еще три рубля.

Магазин этот помещался на углу Садовой и Дерибасовской. Хозяин был маленький стройный еврей — столбик, который не мог не нравиться и тем, что допускал кредит, и тем, что он был хозяином ботсов.

Вот с пятью рублями я вхожу в магазин. Столбик вырастает за прилавком. Он помнит, что я уже приходил к нему, да-да, ну как же,

помнит; да-да, даю в рассрочку, совершенно верно, если внести пять рублей сейчас, то получите бутсы.

— Вот, пожалуйста. Пять рублей.

Я протягиваю руку, которая держит пятерку. Пятерка царского времени — синяя, довольно широкая, от подержанности ставшая атласной кредиткой. Как я мог собрать столько! Не успеваю я протянуть пятерку, как вспыхивает ослепительной белизной полукруг — о, из мира по ту сторону прилавка ко мне! Бутсы! Это хозяин достал бутсы!

Вы знаете, что такое бутсы?

Нет, вы не знаете, что такое бутсы!

...Я не научился плавать, бегать на коньках. Однако я был хорошим футболистом, хорошим легкоатлетом, в частности и в прыжках, и в беге на сто метров. Прыгал также с шестом, что страшно, фантастично — в ином мире физики.

Почему удача в одном виде спорта и неудача в другом? Все-таки трюсость: плавать надо над глубиной, которая может поглотить, бегать на коньках — моясно упасть и разбить голову, моясно сломать голову.

А футбол? Ведь такой же опасный бой!

Все это неважно, важно, что спорт пахнул травой. Будь благословен, горький запах! Будь благословен, сладкий цвет! Будьте благословенны, стебли, желтые венчики, будь благословен, мир!

Площадка, пожалуй, уже начинала свежо зеленеть. Да-да, уже, безусловно, появлялась новая трава!

Бутсы удивительно белели на этой зелени. Их можно было видеть главным образом быстро перемещающимися: по середине поля, по краям, в углах. Белые, быстро перемещающиеся башмаки.

У нас уже это были дни весны! Они пахли горьким запахом травы. О, подождите! Подождите! Сейчас я услышу этот запах, сейчас услышу!

Во время Олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я, как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Ришельевской гимназии. Я играл крайнего правого. Я загнал гол — один из шести, вбитых нами одесской 4-й гимназией, также вышедшей в финал.

После матча меня качали выбежавшие на поле гимназисты разных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. Я был в белом — белые трусы, белая майка. Также и бутсы были белые, и черные с зеленым бубликом вокруг икр чулки.

Однако инспектор учебного округа Марданов, царской красоты армянин из воска и черной пакли, обратил внимание на то, что этот малень-

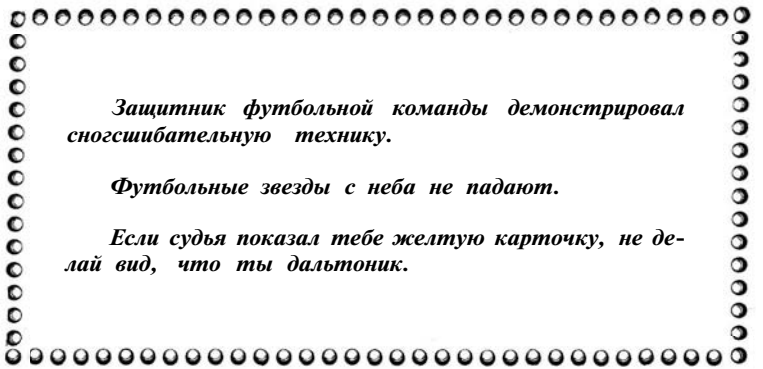
кий футболист, то есть я, несколько бледен. Не вредно ли для здоровья играть ему в футбол?

Через несколько дней в грелке на футбольной площадке меня выслушивал врач. Он сказал, что у меня невроз сердца и играть в футбол нельзя. Я сразу как бы почувствовал себя тяжелобольным. Почувствовал, как бьется сердце, как ни с того ни с сего хочется сесть, посидеть.

Это Марданов сыграл в моей жизни роковую роль, так как из-за него я почувствовал впервые, что есть невозможность, запрет. Трудно себе представить, что все это было со мной. Как много было впереди — даже та сцена, когда... Мало ли какая сцена была впереди!

Мы возвращались уже среди сумерек. Цветы уже все казались белыми, и они были очень неподвижными, эти маленькие белые кресты, кресты сумерек.

Наши ноги в футбольных бутсах ступали по ним. Мы просто не видели их. Это теперь, вдруг оглянувшись, я увидел целый плащ цветов — белый, упавший в траву рыцарский плащ.

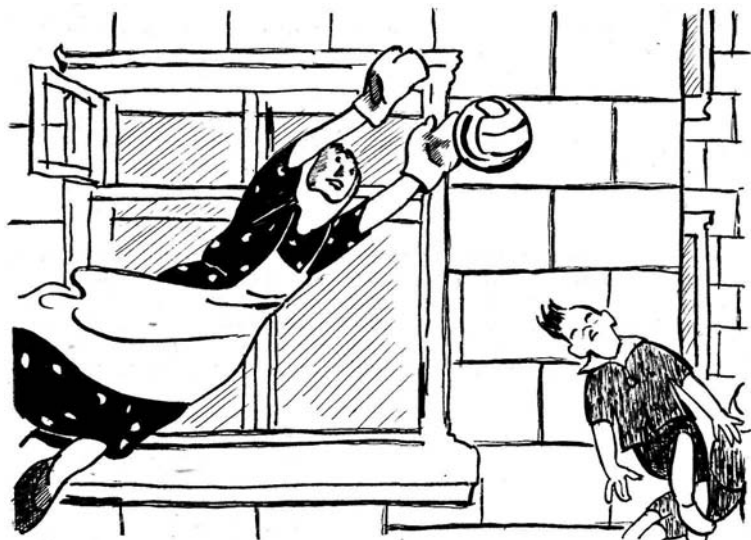

*Защитник футбольной команды демонстрировал
сногшибательную технику.*

Футбольные звезды с неба не падают.

Если судья показал тебе желтую карточку, не делай вид, что ты дальтоник.

К НАЧАЛУ ФУТБОЛЬНОГО СЕЗОНА.

— Каждую весну волей-неволей я становлюсь вратарем: окна своей квартиры защищаю.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

Раньше убегали с работы на футбол, теперь с футбола — на работу.

Знакомство с новым тренером не откладывай на завтра, ибо сегодня его уже могут перевести в другую команду.

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

ЛЮБИТЕЛИ ФУТБОЛА

Для всех граждан лето кончилось, Граждане уже ходят в калошах, покорно ожидают гриппа, часто подходят к трубам центрального отопления и ласкают их холодными пальцами. А для ревнителей футбола лето еще в самом разгаре. Тесно сидят они на стадионе, накрыв газетами головы, и по их щекам стекают толстые капли. И неизвестно, дождь ли бежит по щекам ревнителей или слезы восторга перед классной игрой.

Несколько раз в году бывают светлые и удивительные, почти что противоестественные, дни, когда в Москве не происходит ни одного заседания. Не звенят в эти дни председательские колокольчики, никто не просит слова к порядку ведения собрания, не слышны замогильные голоса докладчиков.

Все ушли. Ушли на стадион «Динамо» смотреть футбол.

Со всех сторон на Страстную площадь стекаются любители футбольной игры, юные и пожилые ревнители физкультуры. Отсюда на стадион «Динамо» ведет прямая дорога. Отсюда многотысячные толпы идут на пролом.

Именно здесь, на этой прямой, образованной из Тверской улицы, Ленинградского шоссе и «показательного километра», произошел первый и пока единственный в мире случай, когда пешеходы задавили автомобиль.

Повторяем. Не автомобиль задавил пешехода, а пешеходы задавили автомобиль.

Драма разыгралась на «показательном километре». Нетерпеливые ревнители футбола, завидев шероховатые серые бастионы «Динамо», просвечивающие сквозь кущи Петровского парка, развили недозволенную скорость и мгновенно смяли мирно пересекавший дорогу фордик, модель «А». Форд визжал, как зайчик. Но было поздно. По нему прошло пятьдесят тысяч человек, после чего потерпевший, естественно, был сдан в утиль.

На этой же прямой некая старушонка, прибывшая из Можайска в день матча, безрезультатно простояла в трамвайной очереди восемь часов кряду и, так ничего и не поняв, уехала обратно в Можайск.

Положение обыкновенных граждан в такой день ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делаясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят, как нищие, со слезами на глазах.

В общем, так или иначе, счастливые обладатели билетов (обычно это организованные через завкомы зрители) подбираются к стадиону. Здесь их ожидают еще большие толпы. Это неорганизованные зрители, которые билетов не достали и не достанут. Пришли они в надежде на чудо.

Расчет простой: у кого-нибудь из пятидесяти тысяч заболит жена или приятель. «Бывают же такие случаи», — мечтает неорганизованный зритель. И этот «кто-нибудь» продает свой билет. Или вдруг какой-нибудь полусумасшедший индивидуум, пробившись к самым воротам Северной трибуны, раздумает; вдруг кто-то не захочет идти на матч. И тоже продаст свой билет.

Но напрасно неорганизованный зритель умильно заглядывает в глаза зрителя организованного и шепчет:

— Нет у вас лишнего билетика?

Все напрасно. Жены и приятели в такой день не болеют, а полусумасшедших индивидуумов и вовсе нет.

Утверждают, впрочем, что какой-то оригинал предложил свободный билет на круглую трибуну. Едва он сообщил об этом, как утонул в толпе неорганизованных зрителей. Минуты две продолжалось тяжелое топтание и возня, а когда все разошлись с раскрасневшимися лицами, на месте происшествия были найдены только две пиджачные пуговицы и чучка пепла. И никто до сих пор не знает, куда девался опрометчивый собственник билета.

За полчаса до начала матча, когда зритель идет косяком, как сельдь, а машины, собравшиеся со всей Москвы, выстраиваются в длинную веселую ленту, кинофабрика высылает съемочную группу, которая быстро накручивает кадры, изображающие уличное движение в Нью-Йорке. Это необходимо для картины «Акула капитала».

Бетонные откосы стадиона заняты сплошь. На Северной трибуне зрители разворачивают пакетики и, волнуясь, закусывают (они не успели пообедать). На Южной, солнечной, трибуне устраивают из газет дурацкие смешные треугольники и фунтики и напяливают их на головы.

Наконец звучит четырехтонный судейский гудочек. Все невольно вздыхают. Курящие заранее закуривают, чтобы потом не отвлекаться, а некурящие кладут в рот мятное драже «пектус» и нервно цокают языками.

Матч проходит с возмущающей душу любителя быстротой. Хотя игра длится полтора часа, но любителю чудится, что его обманули, что играли только две минуты. И даже в эти две минуты судья был явно пристрастен к одной из сторон. Любителю всегда кажется, что судья кривит душой и неверно судит, что нападающая пятерка недостаточно

быстро бегают, а левый край вообще ни к черту, размагнитился окончательно, и гол дали с офсайда, и вообще, будь он, любитель, на поле, все было бы гораздо интересней, правильной и лучше.

Но все же любитель футбола — хороший и настоящий человек. Он молод. Он волнуется, кипит, болеет душой, высоко ценит дружную игру команды, точную передачу мяча и верный удар по воротам. Он не любит мазунов и так называемых индивидуалов, которые «заматываются», играют сами за себя и портят всю чудесную музыку футбола.

Ни одно зрелищное предприятие не может похвалиться такой обширной рабочей аудиторией, как стадион в день большого международного матча. «Рабочая полоса» занимает здесь девять десятых всех мест.

Конец второго тайма проходит в сумерках. Над полем пролетает тяжелый почтовый самолет. Он еще освещен солнцем, а на трибунах уже ясно видны спичечные вспышки. В эту тихую минуту, когда для того, чтобы отыграться, остается только несколько драгоценных мгновений и игра достигает предельного напряжения, с места поднимается первый пижон в белой замшевой кепке и, ступая по ногам, устремляется к выходу. Его увлекает мечта попасть в пустой вагон трамвая. Сейчас же вслед за этим событием определяется число пижонов, присутствующих на матче. Их примерно три тысячи человек. Они срываются с места и, обезумев, бегут к выходу. Это жалкие люди, которым трамвай дороже футбола. Их презирают как штрейкбрехеров.

В то время, как они с визгом, кусая друг друга, борются за местечко на конечной остановке трамвая, весь массив зрителей переживает последние неповторимые комбинации футбольного боя.

И еще минуту спустя после финального свистка все сидят неподвижно, встают без суеты и чинно выходят на шоссе, поднимая облака пыли. Тут, на «показательном километре», обсуждается игра и выносятся окончательные суждения о том или ином игроке.

Здесь плохо приходится одиночке. Хочется поделиться, а поделиться не с кем. С жалобной улыбкой подбегает одиночка к группам и заговаривает с ними. Но все заняты спором, и появление нового собеседника встречается холодно. Плохо одиночке!

На последнем большом матче приключилась беда с великим любителем футбола. Он был на стадионе в большой компании, но при выходе растерял приятелей в толпе. И случилось для него самое ужасное: не с кем было поделиться впечатлениями.

Он метался среди чужих, равнодушных спин, не зная, что делать. Впечатления распирали его. И, не будучи в силах сдерживать чувства, он решил послать кому-нибудь телеграмму. Но кому?

Результатом всего этого явилось следующее происшествие: в городе Сызрани, ночью, почтальон разбудил мирного служащего, дядю указанного любителя, и вручил ему телеграмму. Долго стоял захоластный дядя, переступая босыми ногами по холодному полу и силясь разобрать непонятную депешу:

«Поздравляю счетом три два пользу сборной тчк Турции выделился левый край Ребии зпт большим тактом судил Кемаль Рифат зпт обрадуй тетю».

Дядя не спал всю ночь. Тетя плакала и тоже ничего не понимала.

— Победа присуждается ввиду явного преимущества...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Ярослав ГАШЕК

ДРУЖЕСКИЙ МАТЧ

Между баварскими городами Тиллингеном и Гохштадтом на Дунае существует острая вражда. В средние века тиллингенцы, нагрузив челноки горючими веществами, отправлялись в поход на Гохштадт, который после таких визитов часто выгорал до основания. Иногда гохштадтцы гнали тиллингенцев обратно, и тем приходилось пробегать по дубовой, тянувшейся от одного города до другого на протяжении 40 километров аллее, которая до сих пор носит название «Повешенные тиллингенцы»...

Ни одна из сторон не могла победить другую. И только благодаря административным властям гохштадтцы были преданы в руки тиллингенцев. Гохштадтское административное управление было упразднено и переведено в Тиллинген. Таким образом, в Гохштадте остался только мировой судья, а в Тиллингене был основан окружной суд. Гохштадтцы своих граждан только допрашивали, но на суд отправляли в Тиллинген, где их судили строго и жестоко. Гохштадтцы должны были призываться на военную службу и исполнять все гражданские обязанности в Тиллингене, чиновники которого всегда рассматривали дела своих граждан в первую очередь, а дела гохштадтцев — во вторую...

С тех пор вековые враги встречались только случайно, когда отбывали воинскую повинность. В казармах гохштадтцы, окруженные со всех сторон неприятелем, склоняли головы перед превосходившей силой противника и возвращались домой пессимистами, за что дома их называли трусами. И уже казалось, что гохштадтцам никогда не смыть пятна позора, как новая эпоха принесла Южной Германии новую форму состязания — футбол.

Поначалу клубу «Тиллинген» нечего было и соваться против футбольной команды Гохштадта.

Форварды Гохштадта возбуждали всеобщее удивление: они так быстро гнались за мячом, как некогда их предки отгоняли от городских ворот тиллингенцев. Они с такой непреодолимой силой забивали мяч в ворота противника, как тараны их предков когда-то разбивали ворота Тиллингена. Сыгранность и спаянность команды «Гохштадт» преодолели

Печатается с сокращениями.

вали любые преграды, преграждавшие путь к неприятельским воротам. Однажды даже случилось, что в порыве горячки они забили вместе с мячом в ворота своего бека. Их удары были чудовищны. Мяч, который они забили в ворота враждебной команды (вот один пример), повалил голкипера, пробил насквозь железную сетку, оторвал ухо одному из зрителей, далеко за полем убил игравшую собаку и подбил пешехода...

В спортивной хронике одной газеты их игру называли необычной «упругой», а в отчете о последнем матче говорилось, что это был не футбол, а «страшный суд господень». В другой газете писалось о встрече команд «Гохштадт» — «Рингелькейм», что их игра напоминала борьбу за Верден...

Благодаря таким успехам они победили все клубы Южной Германии, а когда с севера они пригласили на дружеский матч команду «Альтону», то после игры из всей команды домой вернулся только один голкипер с повязанной головой, оставив своих соратников в больницах Гохштадта.

Теперь спрашивается: могли ли на все это спокойно смотреть жители города Тиллингена на Дунае, имевшие свой клуб бело-желтых футболистов? Клуб «Тиллинген» отнюдь не был плохой командой: он играл так же живо, и удары мячом его форвардов были не менее опасны, чем удары гохштадтцев. Удар, например, их игроков в живот был не менее неприятен противнику и сопровождался в виде дополнения к этой неприятности аплодисментами тиллингенской публики... и тем не менее они проигрывали матч за матчем.

Но вот однажды они что-то задумали и пригласили к себе тренера из Мюнхена — англичанина Бернса, который стал учить их элегантной игре, суть которой заключалась в пасовке, в комбинированной передаче мяча от одного игрока к другому. Берне с утра до вечера руководил их игрой, пока, наконец, не сказал:

— Вызывайте команду Лейпцига.

Вызвали и проиграли 4:2.

— Ничего,— сказал он,— еще три таких поражения — и вы можете ничего не бояться.

И опять потели тиллингенцы, постигая тактику элегантной игры, в которой индивидуальное дарование не играло никакой роли, а все искусство заключалось в сыгранности.

Затем снова вызвали первоклассную команду «Прейссен» и проиграли 2:1. После этого играли с превосходной командой «Мюльгаузен» и сыграли вничью. И тогда тренер Берне сказал им, что едва ли найдется соперник, который смог бы с ними тягаться. Ответный матч лейпцигской команды кончился для нее плачевно: «Тиллинген» забил 5, «Лейпциг» — только 1, да и то со штрафного удара.

Когда «Гохштадт» прочел о триумфальной победе «Тиллингена» над «Лейпцигом», весь клуб позеленел от злости. А когда позже в газете «Альгемейне Спортцайтунг» они прочитали о том, что бело-желтые из

«Тиллингена» после своего успеха не имеют более серьезного соперника в Южной Германии, и что их игра привела в восторг даже противников, они почувствовали то же, что и их предки, когда однажды тиллингенцы взяли Гохштадт и основательно его прочистили. В невероятный гнев приводили их следующие слова в отчете: «Прекрасная пасовка тиллингенцев», «Самоотверженность голкипера Тиллингена», «Безупречная атака форвардов», «Ураганный огонь по воротам Лейпцига», «Превосходный дриблинг правого крыла».

— Я бы его дриблингировал,— сказал нахмурившийся форвард Томас,— больше ему не пришлось бы играть нигде, разве только на небе, перед воротами рая...

— Из голкипера тиллингенцев я бы сделал отварное с капустой, а из беков — салат,— произнес уверенным голосом один из форвардов Гохштадта.

Они долго сидели в клубе. Вдруг разговор прервался. Все задумались, а это значило, что положение проясняется и сейчас кто-нибудь сделает предложение. Так и случилось.

— Сыграем с ними дружеский матч,— сказал секретарь клуба,— только заманим их сюда. Для этого у нас есть местная газета. Ответный матч играть не будем, так как команда «Тиллинген» сыграет у нас последний матч. Если кто из нас не выведет из строя хотя бы одного игрока, мы привяжем его к сетке ворот, и все будем по очереди бить в него мячом.

Местные газеты сейчас же предоставили себя в распоряжение своего клуба «Гохштадт» и стали заманивать «Тиллинген» на взрывчатую почву своего города. Особенно многозначительна в этом отношении была статья «Лучшая команда в Южной Германии». В ней, не без задней мысли, отдавалось должное последним победам «Тиллингена», его успеху и неожиданным результатам состязаний. Говорилось, что «Гохштадт» тоже может указать на ряд выдающихся побед и что разрешить спорный вопрос о том, какая команда лучше — «Тиллинген» или «Гохштадт», может только встреча двух клубов в дружеском матче, при котором оба города должны забыть все, что было между ними и уже давно отошло в область предания. «Футбол,—говорилось,—является международной игрой, при которой местные интересы не имеют никакого значения. В ней побеждает не физическая сила наемных солдат, но чистая идея спортсмена, который в свою игру вкладывает отвагу и спортивную воспитанность. Посещение «Тиллингеном» Гохштадта навсегда устранил все недоразумения между обоими городами Шваберланда»...

В другой статье, которой редактор «Моргенблатта» хотел окончательно усыпить подозрение «Тиллингена», писалось следующее: «Выступление «Тиллингена» на поле Гохштадта будет не только открытием весеннего сезона, но вместе с тем манифестацией братских отношений между обоими городами. Все старое забыто. Зелено-голубые подают руки бело-желтым и с волнением прижимают их к своему сердцу. Как нам

сообщают, на следующей неделе в Тиллинген будет послан представитель нашего клуба, который будет вести переговоры о матче между обеими командами. Нам поручено сообщить, что «Тиллинген» встретит у нас братский прием не только среди наших спортсменов-джентльменов, но и нашего любящего спорт общества, с радостью ожидающего встречи двух команд, которые, нужно думать, будут играть в рамках своих славных традиций. О конечном результате этой встречи, конечно, можно говорить только после матча».

— Посмотрите на них,— сказали в клубе «Тиллинген», когда прочли о себе эту статью,— что сделал наш успех. Кто знал о нас год тому назад? А теперь даже гохштадтцы разливаются в похвалах. Не прошло и четырнадцати месяцев, как о нас писали, будто мы самая захудалая команда на свете и что нам следует забавляться соской, а не игрой в футбол. Хорошо же, если они хотят получить пощечину, пусть ее получат. Мы рождены не только, чтобы с ними играть дружеский матч. Мы выслепем им...

— Безусловно, мы выиграем у «Гохштадта»,— торжественно сказал председатель клуба,— мы выиграем тонкостью и техникой своих пасовок. Атаковать противника нам никто не помешает. С краев пасуем в центр, из центра — на другой край, центр бежит вперед, дриблинг с беком и маленький трюк с подачей на правое крыло, удар — и гол! Мы не должны соприкасаться непосредственно с игроками противника. Пусть мяч летает в пространстве. Для них мяч должен быть недостижим, для них он должен остаться абстрактной идеей, сказкой, и больше ничего! Гип-гип, ура-а!..

Едва секретарь клуба «Гохштадт» успел приступить к переговорам, как тиллингенская «Моргенпост» написала, что прежде всего речь идет о матче между «Тиллингеном» и «Гохштадтом», в котором «Тиллинген» будет защищать честь своего города и клуба. Игра будет не за кубок, а за победу над «старыми знакомыми» — за победу города Тиллингена над Гохштадтом на Дунае. Поезда привезут тиллингенцев в Гохштадт, чтобы команду, носящую бело-желтый цвет, цвет города Тиллингена, достойно проводить на поле брани и обнять победителей на месте победы.

Кроме нескольких враждебных взглядов, которыми сопровождали тиллингенцы секретаря клуба «Гохштадт», с ним ничего не случилось. Он благополучно заканчивал переговоры. Дружеский матч между обоими клубами должен состояться на будущей неделе. Чистый доход с входных билетов будет разделен поровну. После окончания переговоров по старому обычаю клуба все ушли в пивную, где пили за счет клуба до следующего утра. К утру еще договорились, что нейтральным судьей будет член клуба «Регенсбург», за проезд и расходы которого уплачивается из общих сумм, и выяснилось, что прадедушка председателя клуба «Гохштадт» был при атаке на город Тиллинген рассечен мечом от головы до самых пяток прадедушкой председателя клуба «Тиллинген», кото-

рый был потом, в свою очередь, пронзен копьем прадедушки секретаря клуба «Гохштадт».

После этого беседа как-то завяла, и секретарь «Гохштадта» счел благоразумным незаметно исчезнуть. К тому же он заметил, что председатель клуба как-то странно на него смотрит, будто намеревается реабилитировать честь своих предков.

Наступил славный день, когда весь Тиллинген вновь после нескольких столетий мира пошел на Гохштадт, который приготовился к обороне.

В Тиллингене и Гохштадте накануне были распроданы все кастеты, дубовые трости и револьверы. Ручные чемоданы тиллингенцев, наполненные кирпичами, были подозрительно тяжелы, а карманы гохштадтцев отвисали под тяжестью камней. Состязание должно было начаться ровно в 4 часа, но оно началось в 3 часа 33 минуты.

Первым пал нейтральный судья. Он получил удар по голове плетью от одного из членов клуба. Несмотря на то, что ему рассекли череп в двух местах, он успел крикнуть «офсайд», но едва он собрался свистнуть, как новый удар палкой сплющил находившийся в его губах свисток.

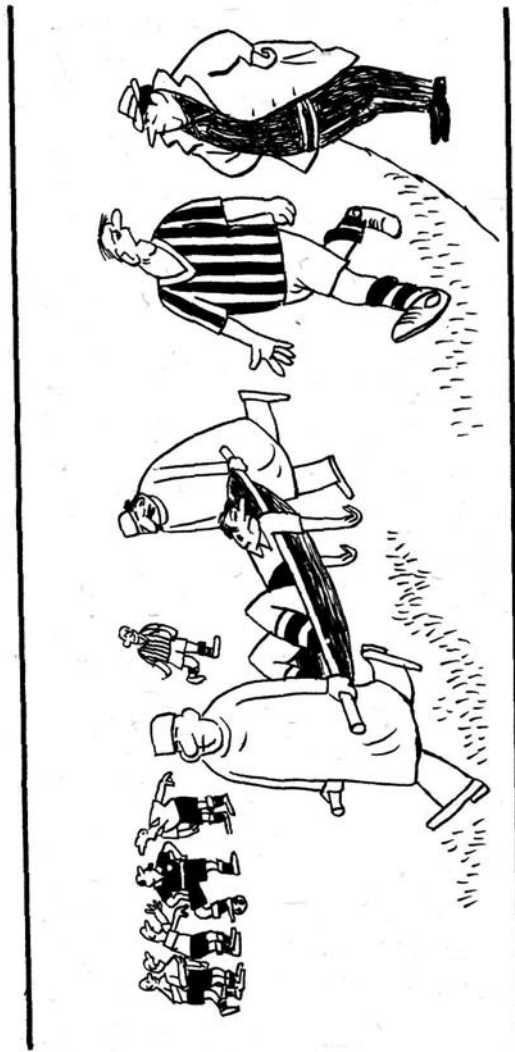
Сила оказалась на стороне тиллингенцев, приехавших в количестве 10000 человек, тогда как все население Гохштадта равнялось 9000.

Гохштадтцы защищались отчаянно, и во время всеобщей свалки им удалось повесить председателя клуба «Тиллинген» на перекладине ворот. Хавбек «Тиллингена» загрыз двух беков «Гохштадта» и был, в свою очередь, заколот форвардом того же клуба.

В спортивном отделе всех газет Германии на следующий день была напечатана следующая краткая телеграмма:

«Интересное состязание «Тиллинген» — «Гохштадт» не закончено. На поле осталось 1200 гостей и 850 местных жителей. Оба клуба ликвидированы. Город горит».

— Товарищ тренер, а теперь кого мне персонально опекать?

Рисунок В. ГОРБАЧЕВА.

Лев КАССИЛЬ

ТУРЕЦКИЕ БУТСЫ

Пека Дементьев знаменит и поныне. А долгие годы он слыл одним из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского Союза. Где бы ни играли — в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, — как только выходит, бывало, на зеленое поле Сборная команда СССР, все сейчас же принимаются кричать:

— Вон он! Вон Дементьев! Курносый такой, с вихром на лбу... Вон самый маленький! Ах, молодец Пека!

Узнать его было очень легко: самый маленький игрок Сборной СССР. Он едва до плеча всем доставал. Его и в команде никто не звал по фамилии — Дементьев или по имени Петр. Его все ласково звали Пекой. Пека, и все. А в Турции его прозвали «товарищ Тонтон». Тонтон — это значит по-турецки маленький. И как только выкатывался с мячом на поле Пека, сейчас же зрители начинали кричать:

— А, товарищ Тонтон! Bravo, товарищ Тонтон! Чок гюзель — очень хорошо, товарищ Тонтон!

Так о Пеке и в турецких газетах писали: «Товарищ Тонтон забил отличный гол».

А если поставить товарища Тонтона рядом с турецким великаном Неждетом, которому он вбил в ворота мяч, Пека ему до пояса только достанет.

На поле во время игры Пека оказывался самым резвым и быстрым. Бегаёт, бывало, прыгает, обводит, удирает, догоняет — живчик. Мяч вертится в его ногах, бежит за ним, как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки. Никому не угнаться за Пекой. Недаром считался он любимцем команды и зрителей.

— Давай, давай, Пека! Рви, Пека!

— Bravo, товарищ Тонтон!

А дома, в вагоне, на корабле, в гостинице Пека был самым тихоньким. Сидит, обычно, молчит или спит. Мог двенадцать часов проспать, а потом двенадцать часов промолчать. Даже снов своих никому не рассказывал, как ни просили. Очень серьезным человеком прослыл наш Пека.

С бутсами ему только не повезло.

Когда Пека поехал с нами в 1935 году в Турцию, в его чемодане ак-

куратно было сложено все футбольное хозяйство: белые трусики, толстые полосатые чулки, шитки для ног (чтобы не так больно было, если стукнут), потом красная почетная майка Сборной команды СССР с золотым нашитым Гербом Советского Союза и, наконец, хорошие бутсы. Бутсы были боевые, испытанные. Ими Пека забил уже пятьдесят два мяча — гола. Они были ни велики, ни малы — в самый раз. Нога в них была как у себя дома.

Но футбольные поля Турции оказались жесткими, как камень, без травы. Пеке прежде всего пришлось срезать шипы на подошвах. Здесь с шипами играть было невозможно. А потом «а первой же игре Пека истоптал, разбил, размочалил свои бутсы на каменной почве. Да тут еще один турецкий футболист так ударил Пеку по ноге, что бутса разлетелась пополам. Пека привязал подошву веревочкой и кое-как доиграл матч. Он даже ухитрился все-таки вбить туркам один гол. Турецкий вратарь кинулся, прыгнул, но поймал только оторвавшуюся Пекину подошву. А мяч был уже в сетке.

После матча Пека пошел, хромая, покупать новые бутсы. Мы хотели проводить его, но он строго сказал, что обойдется без нас и сам купит.

Он ходил по магазинам очень долго, но нигде не мог найти бутс по своей маленькой ноге. Все были ему велики.

Через два часа он, наконец, вернулся в нашу гостиницу. Он был очень серьезный, наш маленький Пека. В руках у него была большая коробка. Футболисты обступили его.

— Ну-ка, Пека, покажи обновку.

Пека с важным видом распаковал коробку, и все так и присели. В коробке лежали невиданные, красные с желтым, и такие огромные бутсы, что в каждой из них уместились бы сразу обе ноги Пеки, и левая и правая.

— Ты что это, на рост купил, что ли? — спросили мы у Пеки.

— Они в магазине меньше были, — заявил нам серьезно Пека. — Правда, и смеяться тут не с чего. Что я, не вырасту, что ли? А зато бутсы заграничные.

— Ну, будь здоров, расти большой в заграничных бутсах, — сказали футболисты и так захохотали, что у дверей отеля стал собираться народ. Скоро хохотали все: смеялся мальчик в лифте, хихикала коридорная горничная, улыбались официанты в ресторане, кричал толстый повар отеля, визжали повара, хмыкал швейцар, заливались бои-рассыльные, усмехался сам хозяин отеля. Только один человек не смеялся. Это был сам Пека. Он аккуратно завернул новые бутсы в бумагу и лег спать, хотя на дворе был еще день.

Наутро Пека явился в ресторан завтракать в новых цветистых бутсах. «Разносить хочу, — спокойно заявил нам Пека, — а то левый жмет маленько».

— Ого, растешь ты у нас, Пека, не по дням, а по часам, — сказали ему. — Смотри-ка, за одну ночь ботинки малы стали. Ай да Пека! Этак,

пожалуй, когда из Турции уезжать будем, так ботсы уже совсем тесны станут...

Пека, не обращая внимания на шутки, уплетал молча вторую порцию завтрака.

Как мы ни смеялись над Пекиными ботсами, он украдкой напихивал в них бумагу, чтобы нога не болталась, и выходил на футбольное поле. Он даже гол в них забил.

Ботсы здорово натерли ему ногу, но Пека из гордости не хромал и очень хвалил свою покупку. На насмешки он не обращал никакого внимания.

Когда наша команда сыграла последнюю игру в турецком городе Измире, мы стали укладываться в дорогу. Вечером мы уезжали обратно в Стамбул, а оттуда на корабле домой.

И тут оказалось, что огромные ботсы не лезут в чемодан. Чемодан был набит изюмом, рахат-лукумом и другими турецкими сладостями. Их нам подарили гостеприимные турки. И Пеке пришлось бы нести при всех знаменитые ботсы отдельно в руках, но они ему самому так надоели, что Пека решил отделаться от них. Он незаметно засунул их за шкаф в своей комнате, сдал в багаж чемодан с изюмом и поехал на вокзал.

На вокзале мы сели в вагоны. Вот пробил звонок, паровоз загудел и шаркнул паром. Поезд тронулся. Как вдруг на перрон выбежал запыхавшийся мальчик из нашего отеля.

— Мосье Дементьев, господин Дементьев! Товарищ Тонтон! — кричал он, размахивая чем-то пестрым. — Вы забыли в номере свои ботинки... Пожалуйста.

И знаменитые Пекины ботсы влетели в окно вагона, где молча и сердито их взял серьезный наш Пека.

Когда ночью в поезде все заснули, Пека тихонько встал и выбросил ботсы за окно. Поезд шел полным ходом, за окном неслась турецкая ночь. Теперь уже Пека твердо знал, что он отделался от своих ботс. Но едва мы приехали в город Анкару, как на вокзале нас спросили:

— Скажите, ни у кого из вас не выпали из окна вагона футбольные ботинки? Мы получили телеграмму, что из скорого поезда на сорок третьем перегоне вылетели ботсы. Вы не беспокойтесь. Их завтра доставят сюда поездом.

Так ботсы второй раз догнали Пеку. Больше он уже не пытался отделаться от них.

В Стамбуле мы сели на пароход «Чичерин». Пека спрятал свои злополучные ботсы под корабельную койку, и все о них забыли.

К ночи в Черном море начался шторм. Корабль стало качать. Сперва качало с носа на корму, с кормы на нос, с носа на корму. Потом стало шатать с боку на бок, с боку на бок, с боку на бок. В столовой суп выливался из тарелок, из буфета выпрыгивали стаканы. Занавеска на

дверях каюты поднималась к потолку, как будто ее сквозняком притянуло. Все качалось, все шаталось, всех тошнило.

Пека заболел морской болезнью. Ему было очень плохо. Он лежал и молчал. Только иногда вставал и спокойно говорил:

— Минуты через две меня опять стошнит.

Он выходил на прыгающую палубу, держался за перила и снова возвращался, снова лоялся на койку. Все его очень жалели. Но всех тоже тошнило.

Три дня ревел и трепал нас шторм. Страшные валы величиной с трехэтажный дом швыряли наш пароход, били его, вскидывали, шлепали. Чемоданы с изюмом куврыкались, как клоуны, двери хлопали; все съехало со своего места, все скрипело и гремело. Четыре года не было такого шторма на Черном море.

Маленький Пека ездил на своей койке взад и вперед. Он не доставал ногами до прутьев койки, и его то стучало об одну стену головой, закинув вверх ногами, то, наклонив обратно, било пятками в другую. Пека терпеливо сносил все. Над ним никто уже не смеялся.

Но вдруг все мы увидели замечательную картину: из дверей Пекиной каюты важно вышли большие футбольные бутсы. Ботинки шествовали самостоятельно" Сначала вышел правый, потом левый. Левый споткнулся о порог, но легко перескочил и толкнул правый. По коридору парохода «Чичерин», покинув хозяина, шагали Пекины ботинки. Тут из каюты выскочил сам Пека. Теперь уже не бутсы догоняли Пеку, а Пека сам пустился за удиравшими ботинками. Дело в том, что от сильной качки бутсы выкатились из-под койки. Сперва их швыряло по каюте, а потом выбросило в коридор.

— Караул, у Пеки бутсы сбежали! — закричали футболисты и повадилась на пол — не то от хохота, не то от качки.

Пека мрачно догнал свои бутсы и водворил их в каюте на место. Скоро на пароходе все спали.

В двенадцать часов двадцать минут ночи раздался страшный удар. Весь корабль задрожал. Все разом вскочили. Всех перестало тошнить.

— Погибаем! — закричал кто-то. — На мель сели... Разобьет теперь нас...

— Одеться всем теплее, всем наверх! — скомандовал капитан. — Может быть, на шлюпках придется, — добавил он тихо.

В полминуты одевшись, подняв воротники пальто, выбежали мы наверх. Ночь и море бушевали вокруг. Вода, вздуваясь черной горой, мчалась на нас. Севший на мель корабль дрожал от тяжелых ударов. Нас било б дно. Нас могло разбить, опрокинуть. Куда тут на шлюпках! Сейчас же захлестнет. Молча смотрели мы на черную эту погибель. И вдруг все заулыбались, все повеселели. На палубу вышел Пека. Он второпях надел вместо ботинок свои большущие бутсы.

— О, — засмеялись спортсмены, — в таких вездеступах и по морю пешком пройти можно. Смотри только не зачерпни.

— Пека, одолжи левый — тебе и правого хватит, уместисься.

Пека серьезно и деловито спросил:

— Ну как, скоро тонуть?

— Куда ты торопишься? Рыбы подождут.

— Нет, я переобуться хотел, — сказал Пека.

Пеку обступили. Над Пекой шутили. А он сопел как ни в чем не бывало. Это всех смешило и успокаивало. Не хотелось думать об опасности. Команда держалась молодцом.

— Ну, Пека, в твоих водолазных ботсах самый раз матч играть со сборной дельфиной командой. Вместо мяча кита надуем. Тебе, Пека, орден морской звезды дадут.

— Здесь киты и не водятся, — ответил Пека.

Через два часа капитан закончил осмотр судна. Мы сидели на песке. Подводных камней не было. До утра мы могли продержаться, а утром из Одессы должен был прийти вызванный по радио спасательный пароход «Торос».

— Ну, я пойду переобуюсь, — сказал Пека, ушел в каюту, снял ботсы, разделся, подумал, лег и через минуту заснул.

Мы прожили три дня на наклонившемся, застрявшем в море пароходе. Иностранцы предлагали помощь, но они требовали очень дорогой уплаты за спасение, а мы хотели сберечь народные деньги и решили отказаться от чужой помощи.

Последнее топливо кончилось на пароходе. Подходили к концу запасы еды. Невесело было сидеть впроголодь на остывшем корабле среди неприветливого моря. Но и тут Пекины злосчастные ботсы помогали. Шутки на этот счет не прекращались.

— Ничего, — смеялись спортсмены, — как запасы все съедим, за ботсы примемся. Одних Пекиных на два месяца хватит.

Когда кто-нибудь, не выдержав ожидания, начинал ныть, что мы зря отказались от иностранной помощи, ему тотчас кричали:

— Брось ты, сядь в калошу и ботсой Пекиной прикройся, чтобы нам тебя не видно было...

Кто-то даже песенку сочинил, не очень складную, но привязчивую. Пели ее на два голоса. Первый запевал:

Вам не жмут ли, Пека, ботсы!

Не пора ль переобуться?

А второй отвечал за Пеку:

До Одессы доплыву,

Не такие оторву...

— И как у вас у самих мозолей на языке нет? — ворчал Пека.

Через три дня нас на шлюпках перевезли на советский спасательный корабль «Торос».

Тут Пека снова попытался забыть свои ботсы на «Чичерине», но матросы привезли их на последней шлюпке вместе с багажом.

— Это чьи такие ботсы? — спросил веселый матрос, стоя на взле-

тающей шлюпке и размахивая бутсами. Пека делал вид, что не замечает.

— Это Пекины, Пекины! — закричала вся команда.— Не отрекайся, Пека!

И Пеке торжественно вручили в собственные руки его бутсы.

Ночью Пека пробрался в багаж, схватил ненавистные бутсы и, оглядываясь, вылез на палубу.

— Ну,— сказал Пека,— посмотрим, как вы теперь вернетесь, дряни полосатые!

И Пека выбросил бутсы в море. Волны слабо плеснули. Море съело бутсы, даже не разжевав.

Утром, когда мы подъезжали к Одессе, в багажном отделении начался скандал. Наш самый высокий футболист, по прозвищу Михей, никак не мог найти своих бутс.

— Они вот тут вечером лежали! — кричал он. — Я их вот сюда переложил. Куда же они подевались?

Все стояли вокруг. Все молчали. Пека продрался вперед и ахнул: знаменитые Пекины бутсы, красные с желтым, как ни в чем не бывало лежали на чемодане. Пека сообразил:

— Слушай, Михей,— сказал он,— на, бери мои. Носи их. Как раз по твоей ноге. И заграничные все-таки.

— А сам ты что же? — спросил Михей.

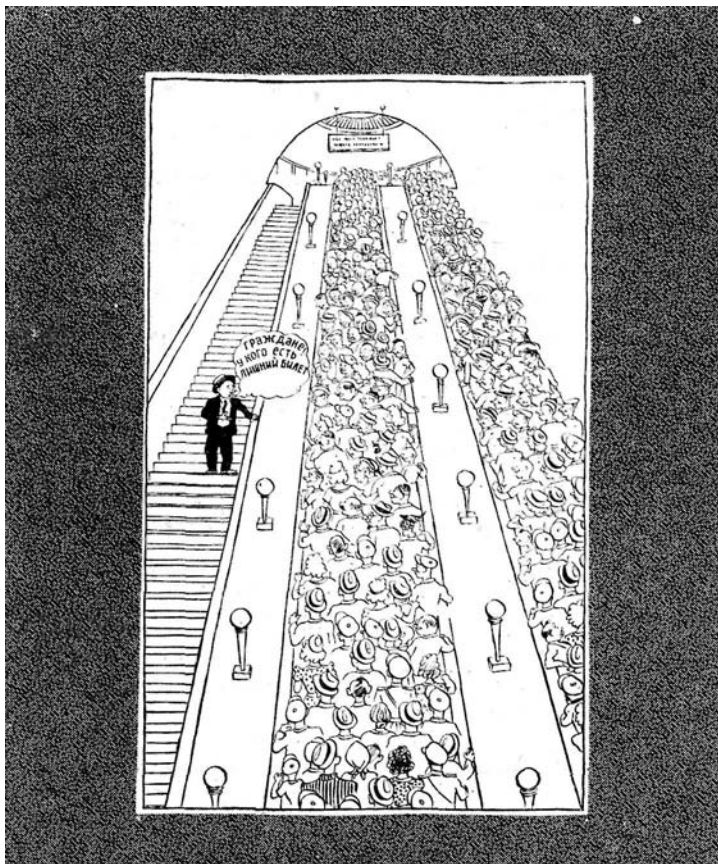
— Малы стали, вырос,— солидно ответил Пека.

Чтобы болеть за плохую команду, надо иметь отличное здоровье.

Нападающий таранного типа: выбил себе «Волгу» и трехкомнатную квартиру.

Приметы команды: трусы синие, футболки белые, игра серая.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

...В ДЕНЬ ФУТБОЛЬНОГО МАТЧА.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Константин **ВАНШЕНКИН**

О СПОРТИВНЫХ БОЛЕЛЬЩИКАХ

Эти болельщики разных команд
Вправду больны, без кавычек.
В разные стороны тянут канат
Вкусов своих и привычек.

Как океана раскатистый шаг,
Яростно и упоенно,
Нынче стоит у планеты в ушах
Рев стадиона.

Эта безумная жажда страстей
Движет без устали ими.
Ближе уюта и слаще сластей
Нового идола имя.

То, что спортсмены кричат,— не слышать
Или слышать отдаленно.
Только висит над землею опять
Стон стадиона.

Им все равно, на каких берегах
Это футбольное поле:
В дальней столице, в самих Лужниках
Или в поселке, при школе.

Доброе что-то в душе приоткрыв,
Сдержанно и просветленно
Катится вдаль бескорыстья порыв —
Вздых стадиона.

*Константин СИМОНОВ,
Вадим СИНЯВСКИЙ*

ОТКРЫТИЕ ФУТБОЛЬНОЙ АМЕРИКИ

В Уругвай, в Монтевидео, прилетели из Рио-де-Жанейро. Позади осталась первая футбольная встреча в Бразилии с клубом «Васко да Гама». Нелегкая и потому, что встретились с сильным противником, и потому, что играли в непривычных условиях: в декабре стоит влажная жара (32 градуса в тени).

Не привыкли и к мгновенной перемене во времени (разница на 6 часов).. Эта перемена не дает возможности нормально ни засыпать, ни пробуждаться. Между днем и ночью почти нет разницы; так же жарко, влажно и душно.

А в общем, все это сейчас позади: и первый матч на Американском континенте, и объятия, поцелуи, и аплодисменты, и непривычное по нашему зимнему времени обилие цветов в комнате, таких пахучих, что потом от них болела голова.

В прошлое ушел и ничейный счет (1:1), обоюдно обидный и для нас и для наших противников, как и мы, рвавшихся к победе.

Позади, наконец, осталась и дружеская встреча после матча на водной станции клуба «Васко да Гама», где наш Борис Кузнецов плясал «Цыганочку», один из авторов этой корреспонденции (а точнее — Вадим Синявский) сидел за роялем, а нападающий бразильской команды (он же автор гола в наши ворота) Альмир танцевал ошеломительный по темпу и темпераменту бразильский танец.

В тот же день — 11 декабря — в восемь часов пополудни (в 2 часа ночи 12 декабря по московскому времени) мы под лучами заходящего и достаточно теплого солнца едем на стадион «Центрио», что в переводе значит «Стотысячный».

Это название, по свидетельству уругвайцев, оправдывает себя далеко не всегда, но сегодня оно настолько оправдано, что даже полицейские готовы пожаловаться на отсутствие места.

Как рассказать об этом матче?

Давайте сделаем вид, что мы еще не знаем его результата.

В этот момент мы расходимся. Один из нас выходит на поле вместе с командой, встречаемой грохотом аплодисментов, а другой садится на трибуне, имея со всех четырех сторон уругвайских болельщиков.

Свисток судьи, и мы не видим ни торжественной минуты обмена вымпелами, ни розыгрыша ворот — мы видим только вдруг вынырнувших из толпы людей с букетиками, букетами, букетищами, корзинами цветов, которые затем положены и поставлены за боковой линией поля.

Свисток уругвайского судьи Марио Эстебан (кстати сказать, отлично судившего весь матч). Зрители наконец садятся, и мы видим поле.

Будем вести наш репортаж с двух точек.

Первая точка: у самой боевой линии близ ворот, на траве, в темпераментном окружении запасных игроков.

Вторая точка: тринадцатый ряд центральной трибуны, тоже в достаточно темпераментном окружении уругвайцев, имевших возможность уплатить за свои места солидные деньги.

Нас разделяют забетонированный ров и колючая проволока, которыми огорожено футбольное поле во избежание контактов публики с судьей и игроками.

Однако мяч уже в игре!

Первая минута — первый угловой у ворот команды «Насьональ». За ним следуют еще восемь подач с угла поля, которые, однако, не приносят успеха.

Под часами по-прежнему 0:0.

Все атаки динамовцев разбиваются о виртуозную защиту уругвайцев, которые атакуют редко, но каждый раз остро, опасно, темпераментно. Но вот одна из уругвайских атак заканчивается стремительным голом в наши ворота.

Дадим стенограмму этих мгновений с двух точек нашего зрения.

Внизу: тренер динамовцев Михаил Якушин, сидящий у самой линии ворот (уже незаметно для себя сползший со скамейки на траву), кричал: «Назад! Не отпускай его, держи, не давай бить!» А сидящие рядом запасные кричали ласково-уменьшительно, как добрая няня: «Юренька, спокойно! Володенька, хорошо!», — хотя именно в эту секунду Володенька как раз сыграл совсем нехорошо!

Вверху на трибуне: уругвайцы ведут себя бурно. Сидящая рядом со мной дама реагирует обеими руками — левой она хватается за локоть мужа, а правой, сжатой в кулак, в решительные минуты ударяет меня в бок.

И вдруг удар — гол в наши ворота! Весь стадион вспыхивает и кричит долго, громко, страстно. Вскрывают с мест сразу, как по команде, десятки тысяч людей справа, слева, спереди, сзади, и ты один остаешься сидеть, ничего не видя за заслонившими поле спинами.

Ты справедливо оцениваешь этот гол, он честно заработан, но у тебя нет никаких причин торжествовать вместе со своими соседями — уруг-

вайцами. Честное слово, наверное, нет острей одиночества, чем одиночество человека, «болеющего» за своих среди тысяч людей, «болеющих» против тебя и твоей команды!

Спины опускаются — мяч снова в игре.

На душе тревожно. Первый гол воодушевил уругвайцев, они играют с огромным напором. Иногда кажется, что вот-вот еще один мяч влетит в наши ворота. Мы с нетерпением ждем свистка — конца первой половины игры, — и нам обоим (и на поле, и на трибуне) кажется, что с таким же нетерпением ждут этого свистка и наши игроки: они хотят успокоиться, прийти в себя, собраться с силами.

А стадион ликует. Преимущество своей команды зрителям кажется уже безусловным.

Свисток. Уругвайская команда уходит с поля при громких овациях всего стадиона.

Перерыв. Раздевалка. Первые минуты все молчат. Отдыхают, меняют майки, у кого-то в бутсе вылез гвоздь, и его забивают, не переговариваются, полная тишина.

Наконец, слово берет тренер. Резко, но спокойно говорит об ошибках, но долго на них не задерживается и намечает план игры.

— Один-ноль — это еще не поражение, — говорит он. — Впереди 45 минут, и мы можем сделать вдвое больше!..

С этим напутствием команда выходит на поле. Стадион, ожидавший, что его команда закрепит победу, вдруг становится свидетелем стремительных, почти молниеносных атак «Динамо», следующих без передышки одна за другой!

Вскоре защитник Б. Кузнецов с добрых тридцати метров забивает ответный гол. Это происходит так неожиданно, что на стадионе раздается только короткий хриплый вздох.

Зрители не успели понять, что произошло. Но на доске под часами появились две единицы — 1:1, и игра начинается с центра поля.

Восемнадцатая минута. Игра прерывается. Наверху, на трибуне, соседка непроизвольно и испуганно хватает меня за руку. Внизу тренер М. Якушин бежит на поле — к месту происшествия.

У нападающего «Динамо» А. Мамыкина повреждена нога. Его уносят с поля, и в команде появляется запасной игрок Анатолий Коршунов, которому в его 18 лет выпала честь защищать спортивные цвета «Динамо» в международном матче.

Молодые ребята в полосатых красно-белых майках, подающие мячи из-за пределов поля, его ровесники или почти ровесники, успевшие познакомиться с ним, когда он лежал на траве как запасной, сейчас сочувствуют ему, готовы «болеть» за него, хотя они уругвайцы, а он русский. Видимо, тут сказывается солидарность молодости — великая солидарность!

Еще две минуты, и после комбинации, в которой участвует только что выбежавший на поле Коршунов, Владимир Рыжкин забивает второй гол.

Доска переворачивается. Теперь на ней цифры 2:1 — ведет «Динамо». На трибунах начинают понимать, что инициатива у москвичей и каждая их стремительная атака (а темп игры очень высок) заставляет зрителей вставать с места, охать, хватать соседа за колено или звонко бить ладонью по спине.

Стрелка секундомера неумолимо движется к финишу.

Уругвайцы понимают, что угроза поражения нависла над ними. Игра приобретает «колкий» характер.

Защитник «Насьоналя» в невероятном прыжке сбивает нашего нападающего с ног. Стадион ахает. Вспыхивают тысячи огоньков зажигалок. Люди нервничают: что будет?

Судья неумолим и справедлив: штрафной удар. Якушин сует в рот папиросу не тем концом... 30-секундная пауза. Ю. Войнов ставит мяч на белое пятнышко в одиннадцати метрах от ворот. На трибунах мертвая тишина. Свисток судьи заставляет всех вздрогнуть. Соседка на трибуне впивается пальцами в мое плечо. Толстяк тяжело дышит.

Воинов очень медленно подходит к мячу.

— Юра! — кричит кто-то, и... 3:1.

Матч окончен. Один из нас вместе с футболистами проходит с поля в раздевалку. Другой вместе с нашим посланником пытается пройти туда лее с трибуны. Но... это невозможно. Полиция стоит неприступной стеной.

— Здесь не может пройти даже президент! — говорит полицейский.

...Жаркое летнее солнце встретило нас утром. Громадная река Рио-де-Лаплата ополоснула ребят после зарядки. А потом наш доктор поехал в госпиталь и привез в гостиницу Мамыкина. Его комната была в цветах. Ребята долго сидели у него, смеялись.

Футбольную Америку эти ребята открыли.

— Следующий раз сам полезешь за мячом.

Рисунок А. СЕМЕНОВА.

Он сменил столько команд, что любое поле было для него своим.

Тренер звезд с неба не хватал — переманивал из других команд.

Хорошие нападающие на траве не валяются.

*Николай ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР,
заслуженный мастер спорта СССР*

МОЙ РЕПОРТАЖ

...В 1958 году я комментировал финальный матч на первенство мира по футболу между сборными командами Бразилии и Швеции. Шла последняя минута встречи, бразильцы выигрывали 4:2, и тогда малоизвестный футболист, а ныне всемирно прославленная футбольная величина — Пеле, великолепно обыграв двух защитников команды противника, неотразимым ударом забил пятый мяч в ворота хозяев поля — 5:2.

Я заканчиваю репортаж, а в это время... Нужно вам сказать, что когда мы отправляемся в служебную командировку за границу, то стараемся найти в советском посольстве какого-нибудь страстного любителя спорта, знающего язык этой страны, и просим его посидеть в нашей комментаторской кабине во время передачи. Чтобы в случае необходимости он мог помочь. Рядом со мной находился советник посла. Он взял меня за руки и показал на поле — мол, смотри, мяч не засчитали...

Смотрю на поле: бразильцы во главе со своим капитаном бросились к арбитру и что-то выясняют. Мяч Пеле забил прекрасно. Он перебросил его через одного защитника, обежал стороной, поймал мяч в воздухе на правую ногу, затем перебросил мяч через другого защитника, обежал с противоположной стороны, поймал мяч в воздухе на левую ногу, перевел на правую и, как мы говорим, неотразимым ударом забил мяч в ворота хозяев поля.

Как закончился финальный матч на первенство мира — 4:2 или 5:2? Показатель счета прежний — 4:2. Комментаторов нас было сорок. В Стокгольме на стадионе «Росунда» не было комментаторских кабин. Был такой длинный стол, вроде стола президиума. Все сидели рядом и во вставные губные микрофончики на разных языках рассказывали своим слушателям о том, что происходит. Все сидят, смотрят друг на друга, пожимают плечами — никто не знает, как заканчивать репортаж — 4:2 или 5:2? Рядом со мной сидел известный польский комментатор Добровольский. Он меня тихо спрашивает:

— Какой счет?

Я отвечаю:

— Не знаю.

И тогда он прямо в микрофон говорит, что вот мой коллега Озеров из Советского Союза полагает, что счет 4:2. Я такой вольности допустить не мог. Знаками прошу своего помощника, чтобы он быстро сбежал вниз, в судейскую комнату, выяснил, в чем дело, а сам, волнуясь, начиная фантазировать вокруг первенства мира,— дескать, эта команда играла хорошо, а эта похуже, этот футболист оправдал доверие, а этот нет. Время идет. На стадионе вручают победителям кубок «Золотой богини». Ликование, радость, объятия, поцелуи, круг почета, молитвы, слезы, огорчения. Администратор бразильской сборной в нарушение этикета по ошибке ударяет по плечу... шведского короля.

Мой помощник оказался человеком весьма оперативным. Он привел руководителя пресс-центра, который потихонечку стал излагать прописные истины. Мол, если бы судья засчитал гол, он поставил бы мяч на центр или дал бы возможность понять, что мяч засчитан. Словом, ничего не изменилось — 4:2. Кончайте работу! И когда мне уже нечего было говорить радиослушателям, я выдохся, то сказал: «Дорогие друзья, а какая нам с вами, собственно, разница — что 4:2, что 5:2, все равно Бразилия — чемпион мира». И закончил репортаж. Только я сдал станцию, как диктор сообщает по стадиону, что судья пришел в судейскую комнату и подтвердил правильность забитого пятого мяча. Перевернули цифры. Счет стал 5:2 в пользу сборной Бразилии. Хорошо, у меня еще была телефонная связь. Я сообщил моим товарищам об ошибке, и они успели в ближайшем выпуске «Последних известий» приплюсовать к четырем мячам еще и пятый, забитый Пеле.

Что же произошло на самом деле?

По написанному закону мяч, как самый драгоценный сувенир, на всех чемпионатах мира всегда доставался в награду лучшему арбитру мирового первенства. И вот судья, засчитав пятый гол в ворота сборной Швеции, взял этот мяч в свою личную домашнюю коллекцию и понес его с поля.

Бразильцы, видя, что такое безобразие происходит на их глазах, бросились к судье. Они стали умолять его отдать мяч им. Они говорили, что этим мячом сейчас пять раз поразили ворота сборной Швеции, что у них в Рио-де-Жанейро, в Южной Америке, нет дорожке сувенира, чем этот мяч. Судья нес мяч с поля и громко говорил: «Нет, нет, нет. Мяч мой, уйдите, расступитесь!»

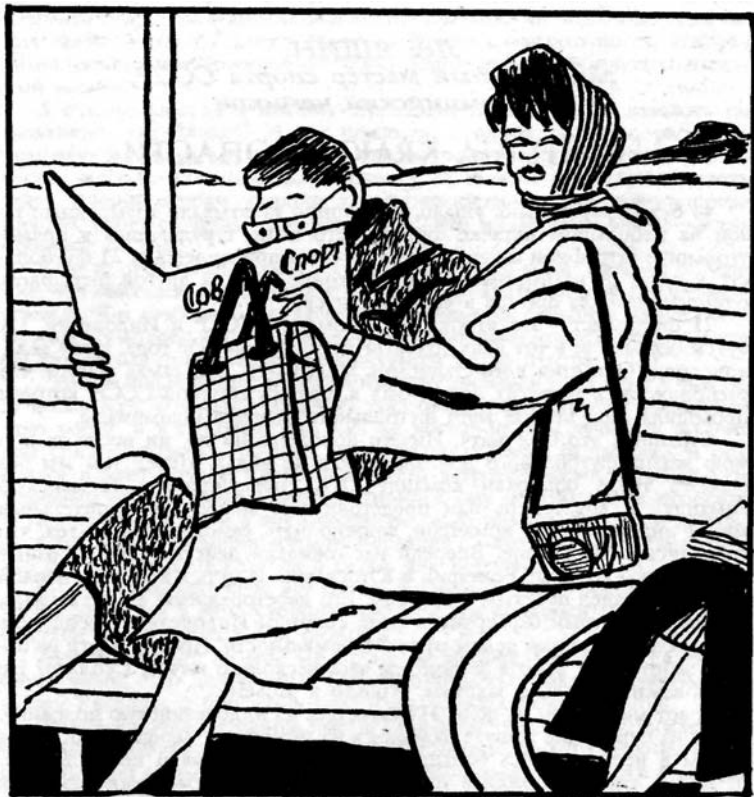
В это время на поле появился маленького роста, лысый человек — массажист бразильской сборной. Он подкрался сзади к арбитру, под неописуемый восторг всего стадиона выбил у него мяч, подхватил и под аплодисменты переполненного стадиона скрылся в раздевалке.

Через четыре года, когда наш советский арбитр Николай Гаврилович Латышев был признан лучшим футбольным судьей мирового чилийского первенства 1962 года, он зашел к нам в гостиницу накануне финального матча, и мы ему сказали:

— Коля, бойся. Массажист бразильский здесь.

Латышев улыбнулся:

— Я знаю, я видел, я... шило возьму. Вот пропорю мяч, спущу его, пусть попробует у меня отнять.

— Я вчера в Большом видела «Спартак».

— А с кем он играл?

Рисунок Б. ЛЕО.

*Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта СССР,
олимпийский чемпион*

ФИНТ НА КРАЮ ПРОПАСТИ

44 бута старательно, уныло, монотонно утапывали изумрудный газон на небольшом пятачке футбольного поля, сгрудившись в прямоугольнике штрафной площади. Эти 44 бута принадлежали 21 футболисту и судье. А на противоположном конце поля, в другой штрафной, одиноко маячила фигура в черном свитере.

21 футболист — это игроки двух команд — СССР и Индонезии. Их бутсы бороздили в тот день, душный летний день 1956 года, траву великолепного Олимпийского стадиона в Мельбурне. А та самая фигура, что расположилась у других ворот, был я, вратарь сборной СССР, которая проводила свой второй матч футбольного турнира Олимпиады.

Странный это был матч. Ничего похожего ни до, ни после за всю мою жизнь футбольного должителя я не видал. Перед тем мы без особого труда обыграли команду ОГК (объединенную германскую команду), и вот теперь нам предстоял еще менее обременительный матч с индонезийской командой, должно быть, самой слабой из тех, что собрались в Мельбурне. Впереди нас ожидали действительно грозные соперники — сборные Болгарии и Югославии. И путь к встрече с первой из них выглядел простым и гладким. Его перегораживал единственный, совсем крошечный барьерчик в лице команды Индонезии. Преодолеть его казалось всем нам делом пустой формальности. Просто выйти на поле и забить в их ворота за полтора часа несколько мячей. Сколько? Не столь важно. Сколько захотим, столько и забьем...

И вот мы вышли на поле. И помчались на индонезийскую половину, и мяч на первой же минуте оказался в их штрафной площадке. Вслед за мячом в нее ворвалось большинство наших игроков и почти все их.

Какие чудеса творили в тот день наши знаменитые форварды! Как перепасовывали друг другу пяткой мяч Стрельцов и Иванов! Как лихо проскакивали по флангам наши реактивные края Ильин и Татушин! Как уверенно подключались к атакам полузащитники Нетто и Воинов! А когда их примеру последовали и защитники, трибуны уже не умолкали от веселого гомона и аплодисментов. Наши давали публике самый настоящий футбольный спектакль.

Впрочем, не меньший восторг трибун вызывала еще одна деталь этого матча: минута бежала за минутой, команды уже поменялись воротами, а мяч, который, казалось, изучил каждую кочку и впадинку вратарской площадки индонезийцев, в сетке их ворот так ни разу и не побывал. То он летел рядом со стойками, то, словно они были намагничены, ударялся о них, то становился добычей вратаря, то, недотянув нескольких сантиметров до линии ворот, застревал в чьих-то ногах, которые образовали (я уже говорил: 44 бутса) дополнительный и весьма надежный заслон.

А счастье благодаря нашему огромному превосходству казалось так возможно, так близко! И эта близость, с одной стороны, распаяла команду, заставляя все усиливать нажим, торопиться (а спешка, как известно, хороша в очень редких случаях), а с другой — усыпляла бдительность, и наши игроки обороны давно уже гостили по ту сторону пограничных рубежей поля, позабыв о том, что их рабочее место — здесь, поближе ко мне.

Да и я, признаться, давно уже не касавшийся мяча, потерял ощущение, что «часовым я поставлен у ворот», и превратился в обыкновенного зрителя. Я и вообще-то, когда игра перемещается от наших ворот, обычно выхожу вперед, а здесь, тоже убаяванный всем происходящим и чтобы видеть все получше, добрался чуть ли не до центра.

...Никто после не мог припомнить, кто произвел тот удар и в чью ногу попал мяч. Это был, наверное, тысячный удар в сторону индонезийских ворот, и в тысячный раз мяч не достиг цели. Случилось так, что мяч срикошетировал, попав в ногу индонезийского защитника, и опустился в центральном круге. А там его встретил всеми забытый центральный нападающий. Подарок свалился ему словно манна небесная. И между ним и мной в тот момент не было никого. Все наши находились так далеко от места встречи форварда с мячом, что догнать его никто бы не сумел, даже если б бегал, как Борзов.

Вы представляете себе эту сцену? Индонезиец с мячом беспрепятственно движется в мою сторону, и сейчас мы сойдемся лицом к лицу. Стадион замер в ожидании развязки.

Теперь встаньте на мое место, место вратаря, ушедшего далеко от своих ворот. Что делать мне? Бежать опротягивая назад? Остаться на месте? Рискнуть и броситься наперерез нападающему?

Любое из этих решений таит в себе кучу опасностей. Но какое-то надо было выбирать. И на размышление мне было отпущено не более секунды, ибо я рассказываю о случае, когда сказка сказывается куда медленней, чем дело делается. И я рванулся вперед, надеясь своим демаршем привести противника в замешательство.

И что вы думаете? Мой план удался. Индонезиец, видно, не подозревавший, что дело примет такой оборот, ударил по мячу чуть сильнее, чем надо, отпустив его от себя слишком далеко, и я успел к мячу первым.

Все в порядке. Теперь все просто: я хозяин положения, и в моем распоряжении сто способов обезопасить свои ворота. Сто — и все хороши. Можно сильным ударом вернуть мяч на чужую половину, можно выбить его в аут, можно, на худой конец, схватить руками.

Не могу объяснить, что случилось со мной в тот миг и почему я прошел мимо всех этих, столь простых и разумных, способов. Недаром говорится: когда бог хочет наказать человека, лишает его разума. Одним словом, я стал обводите индонезийца...

Теперь, в рассказе, все это выглядит комичным. Да и тогда, говорят, весь стадион хохотал, глядя, как вратарь, за чьей спиной нет никого и ничего, кроме собственных пустых ворот, принялся играть в кошки-мышки с центр-форвардом противника. Не хохотал, говорят, только наш тренер Гавриил Дмитриевич Качалин, ставший в тот момент белым как мел и закрывший глаза, чтобы не видеть того, что случится вот-вот, не видеть непоправимого. Не забудьте — матч шел к концу, счет был 0:0, а проигравший выбывал из олимпийского турнира.

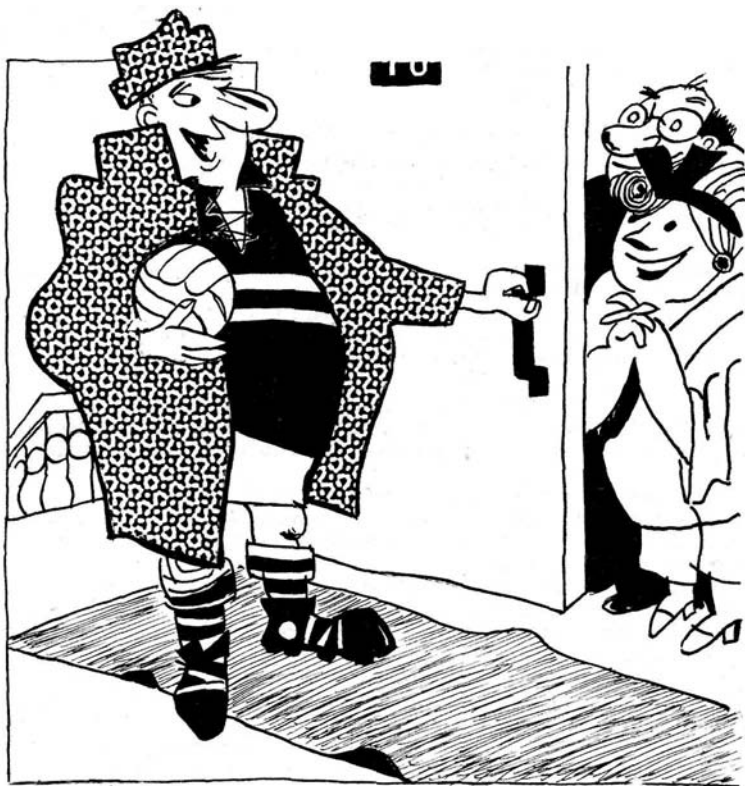
Не знаю, может, бог и хотел наказать меня, вполне это наказание заслужившего. Но команда-то наша была тут ни при чем, она не заслужила этой страшной кары... И бог смилостивился. Я благополучно обвел индонезийца, прошел еще пару метров с мячом, а уж потом переправил его вперед. Стадион поскучнел, ребята свободно вздохнули. Качалин, открыв глаза, не поверил им: на табло были все те же «нули», наши продолжали все так же атаковать...

Та игра так и закончилась вничью — 0:0, несмотря на дополнительное время. Лишь на следующий день, в переигровке, мы победили индонезийцев — 4:0. Потом, опять-таки в добавочное время, победили сборную Болгарии — 2:1. Потом, в финале, выиграли 1:0 у югославов и стали в первый, и пока, к сожалению, в последний, раз олимпийскими чемпионами по футболу.

Ну, а представьте себе, что тот бесшабашный финт у края пропасти не удался бы...

Даже подумать страшно.

—Это вашему сыну нужен репетитор для поступления в вуз?

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

*Зиновий ПАПЕРНЫЙ,
доктор филологических наук*

Я БЬЮ ПО ВОРОТАМ

Думается, что гипокинез с каждым годом все больше дает о себе знать. Недостаток движения, физической работы (а это, между прочим, и есть гипокинез) — вот в чем беда, в чем, грубо говоря, собака зарыта.

И вот, в рассуждении не чего бы покушать, а чего бы подвигать, поразмять, потренировать вышел я прекрасным осенним утром на стадион.

...Вспоминается случай. Я сидел на заседании секции московских поэтов. Выступал поэт, но не стихи читал, а держал взволнованную речь. Сказать кратко, так он говорил долго. Кто-то из аудитории крикнул:

— Регламент!

Говорящий посмотрел в зал в упор и горько усмехнулся:

— Регламент!.. А я сейчас как раз чувствую, что нахожусь в состоянии полета. Так надо ли, дорогие друзья, сбивать меня вот такими выкриками, как птицу влет?!

Поэты, привыкшие мыслить образами, представили себе эту жуткую птицеубийственную картину и закричали:

— Продлить! Уважить! Пусть говорит, сколько может!

И говоривший говорил еще минут сорок.

Все это я веду к тому, что примерно в состоянии такой духоподъемности, такого полета находился я в это не по-осеннему светлое утро на вышеуказанном стадионе.

Побегав или, правильнее сказать, потрусив несколько кругов, я резвой иноходью выбежал на середину поля, где я увидел футбольный мячик.

Но тут я должен прямо и без утайки сказать о себе как о футболисте. Дело в том, что я не футболист. Я даже не болельщик. Ведь этот цикл спортувлечений, футазартов, болельщиков, тифози и прочих футбольных камикадзе прошел мимо меня.

Когда я бью по воротам, передо мной встают две задачи. Первая — попасть ногой по мячу. И уже вторая — попасть мячом по воротам. Читатель охотно согласится, что решить вторую задачу, не решив первой, практически невозможно.

Но, видно, в том-то и состоит своеобразие «состояния полета», что я в тот миг не думал о первой задаче. Как некий вихорь шумный, как

буй тур из «Слова о полку Игореве», налетел я на мяч, с ходу, с бегу, нет, уж точнее, с лету ударил по нему со страшной силой, как сейчас помню, правой ногой, и он пулей унесся к воротам. Не веря себе, не веря своей правой ногой, как зачарованный, следил я за его долгим, стремительным и томительным полетом. Мяч влетел в ворота, в правый их угол под штангой.

Раздался один оглушительный аплодисмент, переходящий в овацию. Это хлопал мне футболист, вышедший на тренировку.

— Потрясающий удар, сказка! — кричал он.

— Первый раз в жизни... — ответил было я, но он жестом меня остановил; понимаю, мол, скромность, требовательность к себе, но меня не обманешь, птицу видать по полету.

Ну, что я скажу? Почему этот удар оказался таким счастливым? Потому, что меня в этот момент не наставлял советами отечески строгий тренер? И никого не было крутом — хоть шаром покати? Потому ли, что я не думал ни о чем в ту секунду — ни об успехе, ни о зрителе, а просто — радостно, вдохновенно и глупо бил?

Кто знает? Пойми, кто может... А впрочем, какое это имеет значение? Ведь все равно второго такого удара в моей жизни не будет.

Я уходил с поля и все оглядывался, все смотрел, как говорится, на новые ворота.

Футбольный матч оставил незабываемое впечатление.

Футболисты тренировались в обстановке, приближенной к игровой: при пустых трибунах.

МАТЧ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

РИСУНОК И. СЕМЕНОВА

«ЧТО ЭТО
НА СЕРЕБРНОЙ
ТРУБЕ ТУКО?
- А ТАМ ДАЖЕ
СВЯТЫЕ СЮДАТ»

1 ГРЕХОВОД, НККН 2

«ЧОРТОВА
ПЕРЕШИЦА!»

«ОСТАЛО
ВАШИМ КИМ
АБЫКАМ!»

«САМО
НА МЫЛО!»

«ЧТО ЖЕ ВЫ
ЧЕРТ,
ПРИЧИННИ?»

«БРАТЬЯ БУ-
ТНАКИ НА
ОБАМКА
ВОСПРЕДЕАЕТ»

Борис ЛАСКИН

ТУМАН НАД ТЕМЗОЙ

В час, когда над Лондоном опустился туман и машины с зажженными фарами двинулись на стадион, Мазуркин созвал у себя в кабинете совещание по вопросу о ходе ремонта бочковой тары.

Все приглашенные на совещание заняли свои места, и тут Мазуркин схватился за голову. Он совершенно упустил из виду, что именно в эти часы на лондонском стадионе начиналась весьма ответственная игра.

С того момента, как наши футболисты улетели в Лондон, Мазуркин лишился покоя. Болельщик с двадцатилетним стажем, завсегдатай стадиона, авторитетный знаток футбола, Мазуркин начал терять в весе.

Игра с «Челси», особенно ее первая половина, когда в наши ворота были забиты два гола, настолько расшатала нервную систему Мазуркина, что сотрудники в эти страшные минуты старались вовсе не попадаться ему на глаза.

Всю ночь накануне игры Мазуркин взвешивал шансы «Динамо». Узнав о том, что «Челси» приобрел знаменитого центра нападения Томми Лаутона, Мазуркин окончательно загрустил и, выйдя утром на работу, в одном из служебных распоряжений написал: «Произвести капитальный ремонт полуторалаутонки».

После игры, которая, как известно, закончилась ничьей, Мазуркин несколько оправился и стал мужественно готовиться к встрече с «Кардиффом». За день перед матчем Мазуркин ходил сам не свой. Явившись на работу, он рассеянно козырнул вахтеру и приказал не пропускать посторонних в сетку ворот.

Бурно отпраздновав победу динамовцев, Мазуркин пришел к врачу за сердечными каплями. Врач, тоже оказавшийся поклонником футбола, написал в истории болезни, что здесь «имеет место легкий миокардифф».

Итак, начался долгожданный матч с «Арсеналом». Сотрудники заполнили кабинет, Мазуркин посмотрел на часы и позвонил. Секретарша, войдя, остановилась у стола начальника, ожидая распоряжений.

— Нина, — тихо сказал Мазуркин, — свяжитесь по телефону с моей квартирой. Там слушают трансляцию из Лондона. Обо всех голах докладывайте лично мне. Идите.

Нина вышла, и Мазуркин начал совещание.

— Товарищи,— сказал он,— начнем, как говорится, с центра поля. Ни для кого не секрет, что на нашем складе не все благополучно по линии тары. Сейчас мы заслушаем доклад товарища Соловьева, который давно получил указание заняться ремонтом, но, насколько мне известно, ничего толком не сделал. Если это подтвердится, мы, товарищ Соловьев, не постесняемся и крепко дадим за это дело по рукам!..

В кабинет быстро вошла Нина, положила перед Мазуркиным записку и удалилась. Мазуркин прочел записку и, потирая руки, сказал:

— Но мы все же, как говорится, не звери. Так что не робейте, товарищ Соловьев! Тем более, что сейчас ваш тезка Соловьев Сергей дал на выход Боброву, и тот, будьте любезны,— раз!.. Один-ноль в нашу пользу... Пожалуйста, товарищ Соловьев, пасуйте, то есть это... говорите. Мы вас слушаем.

Соловьев начал свой доклад. Он говорил без особого подъема, не замечая того, что большая часть сотрудников смотрит на дверь, а начальник нетерпеливо барабанит по столу пальцами, не сводя с докладчика отсутствующего взгляда.

Примерно через четверть часа появилась Нина и, положив перед начальником листок бумаги, быстро вышла. Мазуркин пробежал глазами записку, крикнул и перебил докладчика:

— Вы, уважаемый товарищ, общими словами не отделывайтесь. Вы конкретно говорите, по существу.

Мазуркин строго оглянулся по сторонам.

— Счет — один-один. Продолжайте.

Мазуркин встал и, тесными душевными муками, подошел к окну. Он старался отвлечься от тревожных мыслей и время от времени бросал быстрые взгляды на дверь. В тот момент, когда Соловьев уныло читал какую-то сводку, вошла Нина. По выражению ее лица Мазуркин понял, что дела плохи. Записка была короткой: «Два-один в пользу «Арсенала».

Мазуркин нервно закурил.

— Нечего прятаться за цифры, товарищ Соловьев! Читали мы эти сводки! Знаем. Слава богу, не маленькие!

Оробевший Соловьев попытался было оправдаться, но в этот момент снова появилась Нина. Не рискуя подойти к начальнику, она остановилась на пороге, сокрушенно подняла три пальца и вышла.

Мазуркин всплеснул руками. «Арсенал» вел со счетом три-один. Это было страшно.

— Безобразие! — крикнул Мазуркин.— Такой у вас небольшой участок — и разобраться не можете. А почему так происходит? Потому что на себя мало надеетесь. Вы вроде «Арсенала». Основным составом не решился играть, приглашал игроков из всех клубов, они и отдуваются. А надо лично заниматься ремонтом тары, повседневно руководить. Чувствую я, что греть вас надо! И крепко греть!

Мазуркин тяжело опустился в кресло и посмотрел на дверь, которая

тут же открылась. Вбежавшая Нина положила на стол записку: «Несмотря на сильный туман, наши жмут: счет три-два».

Мазуркин улыбнулся и примирительно сказал Соловьеву:

— Ну, чего растерялись? Все в порядке. Говорите. Я вас слушаю.

— Целый ряд объективных причин, — продолжал осмелевший Соловьев, — мешал мне...

— Объективные причины? — перебил докладчика Мазуркин. И тут же пояснил: — Объективные причины — пустое дело. В Лондоне сейчас, знаете, какой туман? В двух шагах ничего не видно. Однако, как говорится, в труднопроходимых условиях туманной местности наши все же жмут! Мы уже имеем три-два. Так что не теряйтесь, дорогой товарищ!

Первым после Соловьева выступил Кузьменко. Среди всех сотрудников он более чем кто-либо сочувствовал Мазуркину и разделял его давнишнюю футбольную страсть.

Однако Кузьменко не успел развить свою мысль, так как в кабинете появилась торжествующая Нина и заявила прямо с порога:

— Три-три, товарищ начальник!

— Порядок! — весело сказал Мазуркин. — Давайте, Ниночка, слушайте дальше.

Следующие двадцать минут совещания протекали нормально. После Кузьменко выступили еще два оратора. Все обвиняли Соловьева в том, что он проявил недостаточно энергии. Дело пахло выговором. Мазуркин уже набрасывал тезисы своей речи, каковая должна была быть строгой и отчасти даже бичующей.

Когда Мазуркин встал и откашлялся, на пороге возникла Нина.

— Четыре-три, товарищ начальник!

— В чью пользу? — хватаясь за сердце, спросил Мазуркин.

— В нашу, товарищ начальник! — ликуя, сообщила Нина и исчезла так же быстро, как появилась.

Соловьев с надеждой посмотрел на Мазуркина. Лицо начальника неожиданно просветлело и стало отечески добрым.

— Товарищи! — вдохновенно начал Мазуркин. — О чем свидетельствует этот счет четыре-три? Он свидетельствует, товарищи, о том, что весь коллектив нашего продовольственного склада может мобилизовать свою волю и победить на любом участке!

Да, товарищи, безусловно, в работе товарища Соловьева были ошибки и промахи. Но кто, товарищи, не «мажет»? Я вспоминаю ошибку Соловьева, когда в игре с «Торпедо» он не сумел воспользоваться подачей Бескова и забить гол. Но в дальнейшем он исправил свою ошибку.

Я думаю, что и наш Соловьев учтет замечания товарищей и в короткий срок увеличит счет отремонтированной бочковой тары!..

Мазуркин говорил долго и взволнованно. А когда Нина возвестила о конце игры, Мазуркин закончил свою речь, подошел к Соловьеву и пожал ему руку.

— Поздравляю вас, товарищ Соловьев, с победой над сборной анг-

лийской командой. Всех вас поздравляю, друзья! Надеюсь, товарищ Соловьев, что вы будете достойны своего однофамильца Сергея Соловьева! Все, товарищи, я кончил!..

Когда над Темзой сгустились сумерки и за автобусом с московскими футболистами бежала восторженная толпа англичан, Соловьев бодро шел домой и улыбался.

Дойдя до перекрестка, Соловьев вспомнил бочковую тару и неожиданно для самого себя громко сказал:

— Да, товарищи, что ни говорите, а футбол, конечно, великая сила!

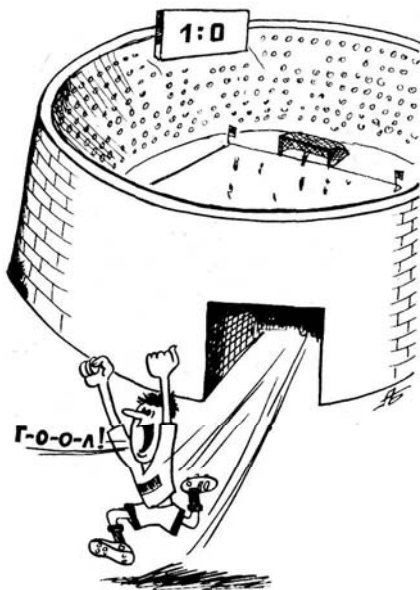

Рисунок А. БАВЫКИНА.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ФУТБОЛЬНОЕ

Левый крайний!

Самый тощий в душевой,
Самый страшный на штрафной,
Бито стекло —боже мой!
И гераней...
Нынче нулей меж тузов,
Блещет попкой из трусов
Левый крайний.

Левый шпарит, левый лупит.
Стадион нагнулся лупой,
Прожигательным стеклом
Над дымящимся мячом.
Правый край спешит заслоном,
Он сипит, как сто сифонов,
Ста медалями увенчан,
Стольким ноги поувечил.

Левый крайний, милый мой,
Ты играешь головой!

О, атака до угара!
Одурение удара.
Только мяч,

мяч,
мяч,

Только — вмажь,
вмажь,

вмажь!

«Наши — ваши» — к богу в рай...

Ай!
Что наделал левый край!..

Мяч лежит в своих воротах.
Солнце черной сковородкой.
Ты уходишь, как горбун,
Под молчание трибун.

Левый крайний...

Не сбываются мечты,
С ног срезаются мячи.
И под краном
Ты повинный чубчик мочишь,
Ты горюешь и

бормочешь:

«А ударчик — самый сок,
Прямо в верхний уголок!»

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

Джанни РОДАРИ

СУДЬЯ СПРАВЕДЛИНИ

Как и ко всем арбитрам на свете, к футбольному судье Справедлини нельзя апеллировать. Даже если он ошибается, нужно уважать его ошибки и незамедлительно подчиняться его требованиям.

Чудовищная ответственность.

Сегодня он, правда, не в лучшей форме, и свисток его визжит, как оглашенный, сводя с ума и игроков, и болельщиков. Но вот вдруг вместо звонкой команды «штрафной удар» свисток беспомощно прошепелявил «страстной удар»...

— А как его бить? — недоуменно спрашивают игроки.

— Как хотите, — отвечает арбитр. — Меня это не касается.

Посоветовавшись, команда прикрепила к футболке своего девятого номера крылышки ангела, сунула в руки несколько веточек вербы, и тот, разбежавшись... чуть коснулся мяча. Он плавно взмыл над трибунами и растаял в небе. Нужен новый мяч. Через несколько минут игра возобновляется. Вдруг чудовищный свисток синьора Справедлини высвистывает: «Тринальти».

— Но это смертный приговор! — возмущаются игроки. — Вы, вероятно, хотели сказать — пенальти!

— Что сказал, то сказал, — с достоинством отвечает судья Справедлини. — Я — неапеллируем.

— Помилуйте, но это просто невероятное наказание, три пенальти кряду, — в отчаянии зывают к нему ошалевшие футболисты.

— Не знаю. Я — неапеллируем.

Игроки нашей команды опускаются на колени прямо на зеленом газоне у ног арбитра, целуют его черную шелковую фуфайку, до блеска надраивают его свисток.

— Будьте любезны, измените в слове первый слог!

— Ни за что!

А болельщики вопят:

— Судью на мыло! Пусть забирает свой слог и уматывает!

Публика, как известно, не размышляет. На стадион приходят не размышлять, а поболеть. Арбитр неумолим. Тогда болельщики начинают плакать от злости, и их слезы, стекая в ручейки, водопадами сбегают с бетонных труб на землю, докатываясь до самой кромки поля.

Ничего не поделаешь. «Тринальти» стоит трех голов. Прощай, победа, прощай, Кубок!

Да, за некоторые ошибки приходится платить очень дорого, особенно тогда, когда их совершают другие.

Перевел с итальянского Л. КАНЕВСКИЙ.

— Сделайте мне новую рогатку, затем давайте самокат и двух Ленькиных голубей, иначе перейду в соседнюю дворовую команду!

Рисунок Ю. УЗЬЯКОВА.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ
(Польша)

МЫ ЛЮБИМ СПОРТ

За несколько дней до международных соревнований мы начали изучать разные варианты.

— Проще всего пойти к Паташонскому,— сказал пан Куця.— Близко от кафе «Кокос» и удобные стулья.

— Да, но экран очень маленький, и изображение прыгает,— высказал опасение поэт Росланек. — Лучше уж к директору Щавнице. В самом центре и сорок сантиметров по диагонали.

Идея показалась нам разумной, но тут выяснилось, что у Щавницы испорчен холодильник. Теплые напитки, разумеется, никого из нас не устраивали.

Пани Соловейчик выдвинула кандидатуру некоей пани Кропивницкой.

— Большая квартира, этаж седьмой, но лифт работает, телевизор только что из ремонта. Кропивницкая очень гостеприимна.

— Знаю я пани Кропивницкую,— сказал Беспальчик.— Она печет дрожжевые пирожные. К ней съедется полгорода. Соревнование нужно смотреть в тесном кругу.

— Пани Кропивницкая — пустомеля,— сказал Зызя.— Мы не выдержим в ее обществе больше десяти минут. Кроме того, она ничего не понимает в спорте и будет задавать idiotские вопросы.

Таким образом, вопрос остался открытым, пока не появился пан Фачинович.

— Мы уже несколько дней живем этими соревнованиями! — воскликнул он.— Приходите! У нас все приготовлено!

Мы охотно приняли предложение. Мы знали, что пан Фачинович — человек серьезный, ему можно доверять.

И на этот раз он оказался на высоте.

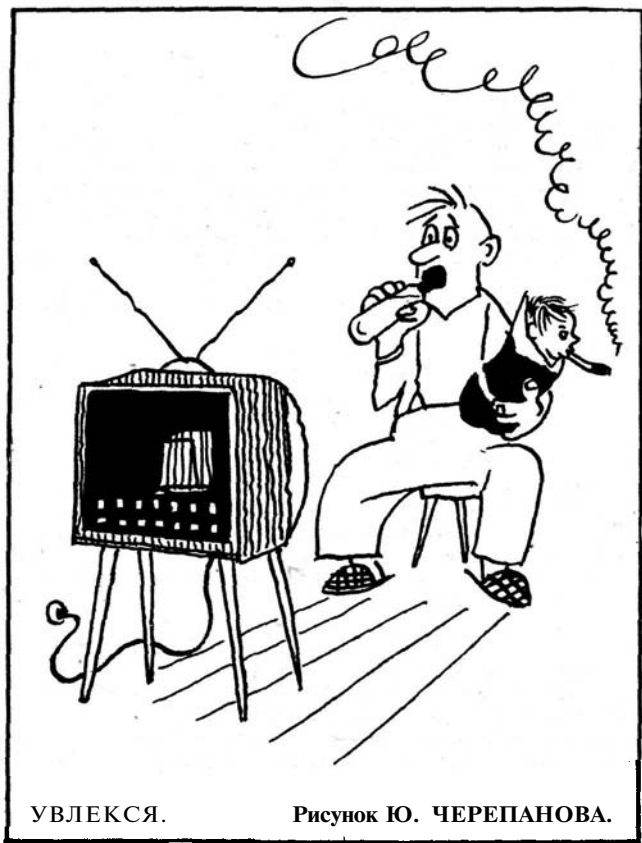
Из закусок на первый план я бы выделил салат под майонезом, хотя и нототения с лимонным соусом тоже была неплохая. Селедка в оливковом масле получила всеобщее признание, а водка была заморожена, как в лучших ресторанах. Потом подали шампиньоны в сметане, филе на углях...

Мы провели исключительно приятный вечер. В конце концов такие

соревнования бывают не каждый день. Неудивительно, что они собрали у телевизоров миллионы зрителей.

К сожалению, на следующий день мы узнали по радио и из газет, что наши проиграли. Как хорошо, что это не испортило нам прекрасный вечер...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ПЕНАЛЬТИ

...И вот матч подходит к концу. Арбитр все чаще посматривает на свой секундомер. На табло, как поется в известной песенке, «все как на зло одни нули, одни нули». Страсти на поле и на трибунах накалены до предела. Полосатые прорываются по левому краю, навешивают на штрафную площадку... Свисток... Защитник голубых неосмотрительно сыграл рукой. Судья указывает на одиннадцатиметровую отметку. Болельщики встают со своих мест и застывают в нервном ожидании. Полосатые спешным порядком решают, кто же сумеет реализовать этот единственный шанс. Их взоры устремлены на прославленную «восьмерку».

«Ну же, Вася, ну!.. — как бы говорят они. — Покажи, на что ты способен!»

Но прославленная «восьмерка» бить не торопится.

— Нет, ребята, увольте меня, пожалуйста,— говорит он товарищам по команде. — А ну как я в штангу залеплю? Опять в дубль посадят? Как хотите, но я этот, может быть, решающий удар сделать не могу. Пусть капитан скажет, кому бить.

Капитану становится не по себе. Он говорит:

— Так дело не пойдет. Хотя я и капитан, но единолично решить судьбу поединка не возьмусь. А вдруг ошибусь? Вдруг не то решение приму? Тогда что? К тому же и капитаном вы меня выбрали, когда я болел был. Давайте-ка лучше этот вопрос провентилируем у нашего психолога. Это его прямое дело — определить, кто из коллектива более других морально подготовлен бить...

Врач-психолог сразу оценил обстановку:

— Что вы от меня хотите, друзья? Решения? Не входит это в мои функции. Я вас на игру настроил? Настроил. Пластинку Шопена давал на ночь слушать? Давал. Телеграммы от родных читали? Читали. Так что вопрос о пенальти пускай решает тренер.

Тренеру нельзя было отказать в честности и прямоте.

— Вы, братцы, с ума сошли,— сердечно сказал он.— У меня же семья, два пацана... Да еще по исполнительному в город Зюйск плачу, где тренировал «Пищевик». Не могу же я одним решением ставить под

угрозу благосостояние семьи, даже той, с которой расстался. Короче, действовать через голову тренерского совета клуба я не могу.

— Мы, товарищи, не компетентны решать этот вопрос, хотя кворум налицо,— сказал председатель тренерского совета.— Болельщики не простят нам ошибки. Нельзя в такую минуту не думать о чести цветов нашего клуба, о его замечательных традициях, о большой плеяде выдающихся спортсменов, взращенных у нас. По-моему, это дело надо отдать на рассмотрение общественности. Соберем клуб любителей футбола.

Болельщики собрались дружно. Дебаты разгорелись жаркие. Старейший болельщик сказал тогда так:

— Наш клуб называется клубом любителей футбола. Любителей. А что такое любитель? Любитель — это, как тут ни крути, дилетант. Так можем ли мы, дилетанты, самостоятельно решить этот вопрос? Я полагаю — не можем. Во всяком случае, не должны. Тут надо серьезно к делу подойти. Прессу всколыхнуть. Симпозиум устроить...

И был симпозиум. И была пресса, статьи, исследования. Современный футбол сравнивался с футболом времен царя Ивана Грозного, когда и назывался он не футболом, а «килой» и играли в него деревня на деревню. И печатались письма болельщиков. А потом печатались отклики болельщиков на письма болельщиков.

А на стадионе тем временем ждали, когда же какой-нибудь игрок в полосатой футболке, наконец, разбежится, ударит по мячу и мяч кинжально вонзится в угол ворот.

Как все-таки у нас еще любят... футбол.

Зрители так привыкли к поцелуям на поле, что после каждого гола кричали «Горько!».

На "бис" можно увидеть гол только по телевидению.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ
ПЕРЕМАНИВАНИЯ СПОРТСМЕНОВ.

— Ура! Взял!!!

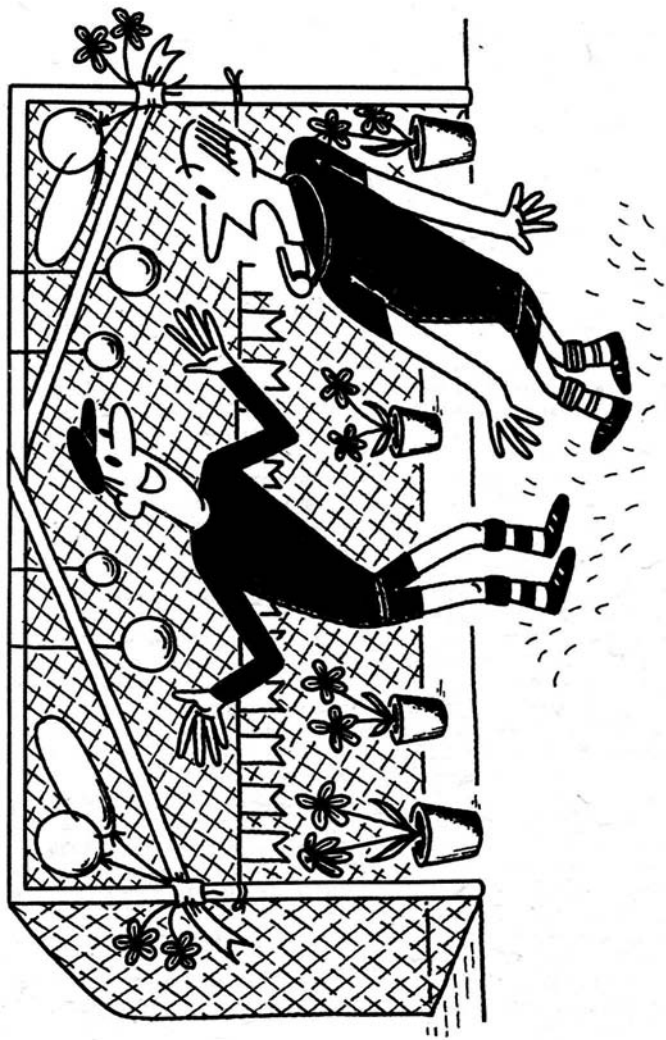
Рисунок Г. АНДРИАНОВА.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ПРОРЫВ БОБРОВА

Вихрастый, с носом чуть картошкой —
ему в деревне бы с гармошкой,
а он — в футбол, а он — в хоккей.
Когда с обманным поворотом
он шел к динамовским воротам,
аж перекусывал с проглотом
свою «казбечину» Михей.
Кто — гений дриблинга, кто — финта,
А он вонзался, словно финка,
насквозь защиту пропоров.
И он останется счастливо
разбойным гением прорыва,
бессмертный Всеволод Бобров!
Насквозь — вот быш закон Боброва.
Пыхтели тренеры багово,
Но был Бобер необъясним.
А с тем, кто бьет всегда опасно,
быть рядом должен гений паса —
так был Федотов рядом с ним.
Он знал одно, вихрастый Севка,
что без мяча прокиснет сетка.
Не опускаясь до возни,
в безномерной футболке вольной
играл в футбол не протокольный —
в футбол воистину футбольный,
где забивают, черт возьми!
В его ударах с ходу, с лета
от русской песни было что-то.
Защита, мокрая от пота,

вцеплялась в майку и трусы,
но уходил он от любого,
Шаляпин русского футбола,
Гагарин шайбы на Руси!
И трепетал голкипер «Челси».
Ронял искусственную челюсть
надменный лорд с тоской в лице.
Опять ломали и хватали,
но со штырей на льду слетали,
трясаясь, ворота ЛТЦ.
Держали зло, держали цепко.
Таланта высшая оценка,
когда рубают по ногам,
но и для гения несладок
почет подножек и накладок,
цветы с пинками пополам.
И кто-то с радостью тупою
уже вопил: «Боброва с поля!»
Попробуй сам не изменись,
когда заботятся так бодро,
что обработаны все ребра
и вновь то связки, то мениск.
Грубят бездарность, трусость, зависть,
а гений все же ускользает,
идя вперед, на штурм ворот.
Что ж, грубиян сыграл и канет,
а гений и тогда играет,
когда играть перестает.
И снова вверх взлетают шапки,
следа полет мяча и шайбы,
как бы полет иных миров,
и вечно — русский, самородный,
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров!

— Сегодня нам должны забить сотый в этом сезоне гол!

Рисунок В. ВЛАДОВА.

ПАУПИКО

ПОЧЕМУ Я СТАЛ БОЛЕЛЬЩИКОМ

— Почему я футбольный болельщик? Что за глупый вопрос! Я болею, потому что у меня есть на то четыре основных и много вспомогательных причин.

Во-первых, я нигде не могу кричать, а это мне просто необходимо. Понимаете, у меня такой организм, что время от времени ему нужен крик. Причем чтобы кричали не на меня, а чтобы кричал я. Футбольное поле для этого — самое подходящее место. Поймите: я служащий, женат на крупной, тяжелой — я имею в виду и характер, и вес — женщине, довольно несимпатичной. Поэтому ли, а может быть, по какой-то другой причине у нас шестеро детей. Целый день я работаю в тишине, я не могу сказать начальнику, что он лоботряс и что я все бы сделал намного лучше, чем он. Это ужасная несправедливость. Я сижу за простым столом в конторе. Он блаженствует в кабинете. И не потому, что умнее меня, просто так сложились обстоятельства. И, как вы понимаете, он на меня может кричать, а я на него — нет.

Дома я тоже не могу кричать. Жена запретила. Если бы вы ее увидели, вы бы поняли, что слушаться ее я не могу. Вы бы не стали больше спрашивать, почему я болею... Каждое воскресенье я иду на стадион, где чувствую себя человеком. Я начинаю громко говорить уже у входа и замолкаю, как только кончается матч. А какое это удовольствие — назвать судью «ослом»! Ведь в этот момент судья для меня — и шеф, и жена, и шестеро детей, и даже переполненный трамвай.

Кроме того, о чем я могу говорить с сослуживцами? Все мы ходим на футбол, и нам есть о чем поспорить. Много лет назад не было футбола, и никто о нем не говорил. Но потом в газетах начали расходовать тонны чернил, описывая цвет волос футболистов, их привычки, их тетей и дядей, их автомобили. Вы сами нас заразили. Мы уже не можем говорить ни о чем другом. Поэтому-то я болею...

Куда я могу пойти в воскресенье вечером, где бы мне за небольшую плату показали представление высшего класса? В кино очереди. В кафе скучно, да и там говорят только о футболе. В театрах ерунда. Осенью холодно, но на стадионе я никогда не замерзаю. Мне это интересно. Поэтому я люблю футбол.

За небольшую плату я вступил в общество болельщиков, и теперь со мной даже советуются. Поэтому вы не должны критиковать нас за то, что мы ходим на футбол и кричим. Такова наша участь...

Перевела с испанского А. НЕЕМИ.

— Так, значит, ты не идешь на футбол?

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

*Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ*

ЭКЗАМЕН

— Ну,— спросил экзаменатор,— какой вам достался билет?

— Семнадцатый,— сказал студент.— Вто... вто-ро-е на-ча-ло нер-во... Как нечетко написано! Тер-во... тер-мо-ди-на-ми-ки...

— А-га,— сосредоточенно произнес экзаменатор.— Второе начало... твер-до... тер-бо... Как вы сказали?

— Тер-мо-ди-на-ми-ки,— прочел студент.

— А-а, да-да, это очень интересный вопрос... Ну, рассказывайте...

— Э-э...— замялся студент.— Второе начало тер-мо-ди-на-ми-ки — это... это очень интересный вопрос! Э-э... профессор, простите... что-то мне ваше лицо знакомо...

— Я пока что не профессор,— смутился экзаменатор.

— Ну, доцент, все равно! Где-то я вас раньше видел...

— Может, на этих... как их... на лекциях? — предположил экзаменатор.

— Не-е, исключено! — твердо заявил студент.— На лекциях мы не могли встретиться!

— Тогда не знаю,— пожал плечами экзаменатор.— Ну, давайте про это самое второе начало...

— Ладно,— согласился студент.— Второе начало... Второе начало тер-мо-ди-на-ми-ки играет большую роль. Я бы даже сказал, очень большую... Послушайте, доцент...

— Я пока еще не доцент...

— А кто?

— Старший преподаватель.

— Ну, все равно. Послушайте... мне кажется... по-моему, тут ошибка...

— Где? — удивился экзаменатор.

— Вот здесь. «Второе начало». Как это может быть второе начало? Начало всегда бывает первое, а потом сразу идет середина и конец...

— Да, действительно,— нахмурился экзаменатор.— Тут какая-то неувязка. Наверно, машинистка ошиблась. Ну, ладно, рассказывайте про середину...

— Хорошо, — согласился студент. — Середина тоже имеет очень важное значение... А все-таки я вас где-то видел...

— Да, — потер лоб экзаменатор. — Я вас тоже где-то встречал...

— Может, на этих... на семинарах? А? — спросил студент.

— Отпадает! — категорически сказал экзаменатор.

— Или вот в этой... — не унимался студент, — где книг всяких много...

— В бухгалтерии, что ли? — оживился экзаменатор.

— Да нет... Сейчас вспомню... В читальне!

— В читальне? Не-ет! — разочарованно покачал головой экзаменатор. — Тогда уж скорее в буфете...

— В буфете тоже вряд ли, — засомневался студент.

— Что ж, вы в буфете совсем не бываете? — удивился экзаменатор.

— Да я и на лекции-то редко заглядываю, — сознался студент. — Все некогда!

— Чем это вы так заняты?

— Да, понимаете, то игры, то тренировки! Сборы тоже много времени отнимают...

— Так вы что, спортсмен?!

— Ну да. Футболист. За команду «Вихрь» выступаю. Может, вы меня когда на поле видели?..

— Постой, постой! — задумчиво произнес экзаменатор. — Петька, да это ты, что ли?!

Студент недоуменно посмотрел на него.

— Простите, профессор, как вы сказали?..

— Петька! — закричал экзаменатор и хлопнул студента по плечу. — Петька, да ты что, не узнаешь меня? Васька я! Ну, Васька Рыжий из команды «Ураган»! Я же против тебя в защите сто раз играл!

— Васька? — пробормотал студент. — Васька! Черт рыжий! Так это ты! Как я тебя сразу-то не признал?!

Он дружески толкнул экзаменатора в грудь и захохотал.

— Так ты что, учишься тут, что ли? — спросил экзаменатор.

— Ну да! Скоро уже диплом получу! А ты?

— А я тут уже третий год старшим преподавателем числюсь! Если в этом году чемпионами станем, то меня в доценты переведут! Работа ничего, спокойная. Ты, как институт кончишь, переходи к нам, в «Ураган». Будем вместе преподавать... Ну, давай свою зачетку. Пять баллов тебе выставлю...

— Может, четыре лучше? — забеспокоился студент. — А то как бы это декану подозрительным не показалось...

— Че-го? — протянул экзаменатор. — Декану?! Ну, уморил! Да деканом-то у нас Мишка-мазила оформлен, левый полузащитник!

Насмеявшись вдоволь, он взял у студента зачетку, вывел в ней «отлично» и точным, выверенным движением отпасовал зачетку партнеру...

— Что я вам могу сказать про Ньютона, если он играет не у нас, а в сборной Англии.

Рисунок В. ЗЕЛИНСКОГО.

Футболист прочел о себе в газете и понял, как мало он о себе знает.

Вначале было слово. А за ним последовало предупреждение.

При нулевом счете стадион — это огромная чаша, переполненная терпением.

Ласло ТАБИ

ВЫДЕРЖАЛ!

Да, да, я выдержал экзамен! Я сидел в середине скромно освещенного зала и внимал словам растрепанного бородатого председателя. Я помню каждое его слово.

— Скажите, уважаемый кандидат, что бы вы сделали в следующем, очень часто встречающемся случае? Вы судите матч. Один из защитников ударяет по мячу — свечка. В этот момент над полем появляется самолет и сбрасывает мяч. Следовательно, на поле падают два мяча. В то же время случайно свирепствует ураган. Ветер заносит один мяч в сетку одних ворот, второй — в противоположную. Кому вы присудите гол?

Вот что спросил у меня председатель экзаменационной комиссии, и я тотчас вспомнил, что этот вопрос разбирается на 65-й странице сверху. Я сразу же ответил:

— Я велю принести оба мяча. Если они оба соответствуют правилам, каждой команде засчитывается гол. Если только один соответствует, гол присуждается команде, в ворота которой этот мяч попал. Если оба мяча не соответствуют стандарту, прошу третий мяч. В последнем случае я докладываю о случившемся судейской коллегии. Самолет, конечно, сбиваю.

Лицо председателя озарила улыбка.

— Очень правильно ответили! Если на следующий вопрос я получу такой же ясный, подробный ответ, вы выдержите экзамен.

Я внимал ему, раскрыв рот.

— Этот случай, пожалуй, встречается еще чаще. Гроза, вы судите матч. Гол кажется неминуемым, но разверзлись небеса — молния ударяет в мяч. Что вы делаете?

Конечно, я тотчас же смог ответить. Вопрос был очень простым.

— Если гол казался неминуемым, я его присуждаю, прошу новый мяч и приспособляю на него громоотвод.

— Bravo, мой молодой друг! Вы поистине будете ведущей силой в нашем судейском коллективе. Вы блестяще выдержали испытание!

Я стремительно вскочил с места, гордо прижав к груди диплом. Хвала небесам!

Ведь даже представить себе и то скверно, что было бы, если бы меня спросили о простом офсайде...

Перевела с венгерского Е. ТУМАРКИНА.

— Играть будем по системе Станиславского. Рисунок В. ИГНАТЬЕВА.

О ФУТБОЛЕ

— Теперешняя молодежь думает, что в футбол раньше не играли. О, наивные молодые люди! Вы подойдите ко мне, вы спросите у меня, как надо играть в футбол. Я как раз мемуары пишу... У меня есть что вспомнить...

Я помню, вот, играл я на заре... Помню, значит, выбежали мы на такое большое поле... Посредине трава, вокруг люди. Я не знаю, как сейчас, а раньше это... стадион, да, стадион, как сейчас помню, стадион раньше называли.

Помню, раньше выбегали мы на этот самый стадион... Помню, сзади наши ворота. А спереди, помню... Вот я помню — тоже ворота, но чьи — не помню...

Соперники наши, помню, в красном были... А вот мы в чем? А, помню, значит, трусики и, значит... Или не было трусов? Нет, были трусики, помню, и майки тоже были...

И вот, помню, свистнул этот тип... Не знаю, как раньше, а сейчас он этим... судьей называется.

Что дальше было, я не помню, но я помню — мы побежали. Куда мы побежали, я сейчас не помню... Куда же мы бежали?... Да. Я не помню, куда бскакали, но помню, прибегаем — никого! Никакой очереди. Просто подходи и бери... И, ну, да, значит... Побежали мы, ну, почему-то обратно... Стадион ревет! Народу — уйма... Зрителей — тучи... Помню, значит, победили... Не помню, правда, кто... Но победили! Это уж точно.

Я же говорю, у меня есть что вспомнить! Ко мне, ежели подойти, спросить — как играть в футбол? Господи, у нас такие были, я не помню, как сейчас, а раньше назывались они ко... комбинации... А помню, играли с англичанами... Время было грозное... 20-е годы! Или 30-е? 20-е... нет, 30-е. Перед войной... Да, точно. Или после? Перед войной или после, значит, помню, как сейчас, ажиотаж! Стадион ревмя ревет. Народу — гибель. Тут англичан тучи! И вот, как сейчас помню, они в клетку, мы в линейку... почему-то... Слева от меня, помню, левые. Справа, помню, правые. Нет, точно не скажу — боюсь ошибиться...

И вот сзади, помню, такой высокий-высокий, не знаю, как сейчас, раньше его почему-то вратарем называли... И свисток!.. Свисток, значит, опять этот тип дает. И народ, помню, кричит. Кричит народ, почему кричит, не помню, но помню — все на меня пошли! И я с моста прямо

вниз головой сиганул и на лошадь... И огородами, огородами ушел к Котовскому.

Нет, это я уже о другом... да... А о чем я говорил-то?.. О футболе? Да, да... А почему я говорил о футболе?.. Нет, почему я вообще заговорил о футболе?.. Об олимпиаде? Да, да, об олимпиаде. А я как здесь оказался? Нет, а у меня что в руках было? Ну, куда я спешил, я вам не говорил, нет? Я помню — спешил, а вот не помню куда... На вокзал?.. Ага... Я говорил... А на какой вокзал, я не говорил?

Ну, о чем я говорил? О футболе. Да. Почему? А, олимпиада! Вы знаете, я сам когда-то играл в футбол. Господи... А я сейчас как раз пишу вот эту самую... мемуары... Вы ко мне подойдите, спросите меня... На вокзал, да? Куда? Мне? Ну, это я помню, да! Слава богу, у меня память хорошая, так что извините, бегу...

— После футбола, доктор, у меня часто плывут круги перед глазами...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Андрей ЯХОНТОВ

КЛАССНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Наконец стало известно, что в финальном матче на первенство завода встретятся команды второго и третьего цехов. Меня попросили написать для газеты, как проходит их подготовка.

Заводская спортбаза располагалась в хвойном лесу, на берегу реки. Стояла прекрасная погода, но зеленое поле пустовало. В ответ на вопрос, где же футболисты, сторож указал на каменное двухэтажное здание.

Спортсменов второго цеха я обнаружил в комнате, похожей на школьный класс. Футболисты в синих майках сидели за партами, а тренер, молодой курносый здоровяк, стоял у доски.

— Сорок восьмая минута,—заглянув в тетрадь, сказал тренер.

— Я выбрасываю мяч рукой номеру второму,— сказал вратарь.

— Я прохожу до центра поля и пасую семерке,— сказал номер второй.

— У меня мяч отбирает их полузащитник,— сказал семерка.

— Сорок девятая минута,— объявил тренер.

— В борьбе пытаюсь отнять мяч, но меня обводят,— сказал центральный защитник.

— Делаю подкат, но неудачный,—сказал другой центральный защитник.

— Со мной выходят один на один, я выбегаю из ворот, падаю, но мяч проходит рядом со штангой мимо,— сказал вратарь.

Затем я пошел разыскивать ребят третьего цеха. И у них происходило то же самое. И тренер, и футболисты держали в руках тетради. Только форма была красной, а тренер оказался высоким поджарым стариком.

— Пятьдесят шестая минута,— говорил он.—Я меняю Чижикова, номер десять, на Пыжикова, номер пятнадцать. Судья разрешает продолжать игру.

— Я сбиваю их девятку, начинаю пререкаться, и меня удаляют с поля,— докладывал коренастый защитник.

Когда истекли девяносто минут словесного матча, я подошел к тренеру.

— Будьте добры, объясните, что все это значит.

— Готовимся к предстоящему сражению,— ответил он.

— Но почему так странно?

— А,— понял тренер,— так вы еще не знакомы с нашей стратегией? Директор завода категорически против стихийности, конкурентной борьбы всюду, в том числе и в футболе. Что получится, если мы не отрепетлируем каждое движение? Всякие неожиданности могут возникнуть, а у нас гости из-за рубежа на матч приглашены...

— И что, все тренировки проходят в классах?

— Ну почему, скоро начнутся репетиции на зеленом поле. Финал накладывает на нас большую ответственность. Постараемся, чтобы он стал подлинным праздником спорта.

— Но если так,— заключил я,— то вы должны заранее знать, кто победит.

— А как же — сильнейший. Тот, кто выполнил квартальный план по всем видам продукции.

— То есть цех номер два?

— Именно.

— Но зрители, конечно же, не знают, что матч разыгрывают по нотам?

— У нас нет секретов от коллектива. Как говорится, гласность соревнования. Перед игрой болельщикам выдают программку, где расписан ход матча.

— Так зачем же они ходят на стадион?

Старый тренер взглянул на меня оценивающе, видно, решил, можно ли говорить откровенно. Потом усмехнулся:

— Ждут: вдруг кто-нибудь забудет свою роль?

Иоганнес Р. БЕХЕР

НА ИГРУ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ

Играет футболист, но никогда
Не забывает он о главной цели —
Победе коллектива. В самом деле,
Он только часть всеобщего труда.
Ведь футболист как музыкант в оркестре:
Он знает миг, когда ему вступить,
Мелодии без фальши тянет нить.
Когда ансамбль хорош — игрок на месте.
О, как серьезна их игра, взгляни:
Тут стиль, и вдохновенье, и работа.
Как ритм прекрасно чувствуют они —
Не мяч ведут, ведут за нотой ноту.
Дано им чувство понимать друг друга:
Футбольный матч — и в то же время fuga.

Перевел с немецкого Ю. РАЗУМОВСКИЙ.

— Мой начальник болеет за «Спартак», а вы за кого?!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

Владимир ПАНКОВ

СПЕЦИАЛИСТКА ПО ФУТБОЛЬНЫМ ЭМОЦИЯМ

Вот кто скажет, что самое главное в футболе? Некоторые считают, что ноги, некоторые — что голова, но я-то точно знаю, что в футболе самое главное — это... поцелуй.

Да сами посмотрите: как только гол забит — игроки целуются. Да они, моясет, из-за этого только и голы забивают, — чтоб поцеловаться лишний разок.

Ну, голы-то эти свои они еще как-то забивают, с горем пополам, но вот целоваться, с моей точки зрения, не умеют...

Ну разве ж так целуются? На бегу, кто в щечку, кто в ухо... Так только в дворовых командах целуются, а не в командах мастеров. И кто только им поцелуи ставил?..

Специалистов разных в командах сейчас пруд пруди — и старший тренер, и просто тренер, и психолог, и по физподготовке, и по воспитательной работе, а вот по поцелуям — такого специалиста почему-то нет.

А я бы пошла, если бы меня пригласили. На мои тренировки игроки всегда бы с охоткой шли. В белой рубашечке, с галстучком, бритые, как лимончики...

Для начала они бы у меня перед зеркалом поупражнялись. Воздушные поцелуи со значением. Разминка, так сказать. Для губ, для бровей.

Потом поцелуи с чучелом. На меткость. В губы поцеловал — десятка, в лобик — восьмерка, в ухо — три очка, остальное — в молоко.

Дальше — тренировка на время. Кто дольше. Это очень соперника будет нервировать. Ему отыграться не терпится, а вы впились друг в дружку и время тянете.

Следующее упражнение — лобзания. Лобзание от поцелуя отличается глубиной. Тут уже одной техники мало, тут глубина нужна, чувство. При особо глубоком лобзании даже судья оторвать не сможет.

Но все это пока тренировки с чучелом. Прежде чем игрокам дадут целовать человека, им придется, как это всегда делается в науке, испытать себя ну хотя бы на кроликах.

Это приучит их к реальности. Потому что иной раз такой крокодил гол забьет, что целоваться с ним без тренировки будет выше сил. Но настоящему мастеру поцеловать такого крокодила, должно быть, все равно что раз плюнуть.

Так что чем больше будет у нас в футболе поцелуев, тем больше голов, тем больше побед. А когда-нибудь, может быть, мы даже станем чемпионами мира. По поцелуям, разумеется...

Ну вот, а теперь скажите: разбираются женщины в футболе или не разбираются?..

Рисунок М. АРДАШЕВА.

Ясон ГЕРСАМИЯ

ФУТБОЛ В САРИСКО

Говорят, в Бразилии в футбол играют каждые три человека из двух. Не знаю, может быть, это и так, но вот то, что в нашем маленьком грузинском городке Сариско под футбольные знамена призвано все мужское население, способное хотя бы пешком пройти футбольное поле,— это уж точно, поверьте мне, поскольку сам я житель Сариско.

Сначала, пока футбол был пущен на самотек, мяч преимущественно гоняли молодые люди, а старики чинно сидели в тени и неторопливо обсуждали преимущества юго-восточного стиля над северо-западным. Так шло, пока городские руководители не приказали всем учреждениям Сариско в кратчайший срок создать собственные команды и включиться в розыгрыш первенства города.

Сам я помощник прокурора, и когда мой уважаемый начальник, пригорюнившись, сообщил мне, что предстоит создать команду, из работников судебно-следственных органов, я сказал «есть» и принялся колдовать над списком. Как я ни крутил, выходило, что играть нам предстояло по схеме 1 + 2 + 1 + 1, поскольку всех нас, включая следователя, судью и милиционера, было пять человек.

— Дорогой,—сказал мне прокурор,—во всем футбольном кодексе такой схемы нет. Если ты хочешь опозорить суд, прокуратуру, милицию вообще и меня лично, тогда ты выведешь на поле пять человек... Вот что: мы на кого-нибудь сейчас возбуждаем дело?

— Так точно, Шалва Дадианович. На Ваню Губукия. Этот недоумок ходил на руках на танцплощадке и очень обиделся, когда милиционер хотел поставить его на ноги.

— Может быть, он и ходит на руках,—твердо сказал мой уважаемый прокурор,—но Ваню будет играть за нас, поскольку он сейчас в некотором смысле в нашей системе. И пусть, если он желает себе добра, пригласит крепкого, молодого защитника. В смысле адвоката.

— Прекрасная мысль, Шалва Дадианович. Считайте, что нас уже семь. Если играть без фланговых форвардов...

— Пока я прокурор,—сурово отрезал Шалва Дадианович,—мы будем играть с флангами. Как насчет мелкого хулиганства?

— Увы, если не считать Ваню...

— Вано, можно сказать, уже на поле... Чтобы завтра у меня было еще четыре хулигана. Без нарушения созаконности, конечно.

— С их стороны?

— Ай,— покачал головой Шалва Дадрианович,— я думал, что заслужил себе более умного помощника.

Короче говоря, на матч с командой горбольницы мы вышли в полном составе.

— Умрем, как мужчины,— прошептал Шалва Дадрианович, массируя живот, который никак не хотел оставаться в трусах.

— Па-азвольте, товарищ прокурор, мой подзащитный своими действиями ни в какой степени не подходит под...

— Оставьте,— прошипел Шалва Дадрианович,— умру скорей всего я, а ваш подзащитный еще долго будет радовать посетителей танцплощадки хольбой на руках.

— Граждане,— сказал начальник милиции, посевший в борьбе за поддержание порядка,— сейчас мы один коллектив...

В этот момент прозвучал свисток судьи, и мы выбежали на поле. Должно быть, Шалва Дадрианович сразу взял слишком высокий темп, потому что, не добежав еще до центра поля, он стал дышать, как кузнечные мехи.

— Все, считай, что уже продули,— жалобно сказал следователь Борис Гулава.

И тут мы увидели команду больницы. У нас еще были хулиганы, а у них... Они не шли, нет. Они ковыляли, поддерживая друг друга, но лица их были суровы, и в глазах читалась решимость обреченных.

ПОДРАЖАНИЯ

Михаил РАСКАТОВ

НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Белле АХМАДУЛИНОЙ

Зачем?.. Да так, как входят в глушь времен
для важного, неспящего познания,—
для расшифровки странности названья
пришла я на столичный стадион.

Был стадион глубок и голобок.
Следила я за тем, как скачет мячик,
как будто глупый, непослушный мальчик,
а может быть, как умный колобок.

До боли за судьбу слепую зол,
летел он не в ворота — на трибуны,
за ним и рев, и свист, как атрибуты
игры с печальным именем Футбол.

Я видела, как клуб пошел на клуб
в присутствии футбольного начальства..
И лишь вратарь во рту ворот качался,
как старый, никому не нужный зуб.

Зачем, зачем мне вся эта возня —
офсайды, угловые и навесы
с капризами стареющей невесты?..
Не для меня она, не для меня!

— Он согласен играть за нашу заводскую команду, только просит ставку директора.

Рисунок В. ЗЕЛИНСКОГО.

Александр ИВАНОВ
БАЛЛАДА О ЛЕВОМ
ПОЛУЗАЩИТНИКЕ

Евгению ЕВТУШЕНКО

Устав от болтовни
и безыдейности,
заняться я хочу
полезной деятельностью.
В работу окунувшийся
по щиколотку,
я в левые иду
полузащитники.

Что б ни болтали
шкурники и лодыри,
в команде нашей
стал я первым номером!
Я получаю мяч. Бегу.
Мне некогда,
тем более,
что пасовать мне некому,
а если бы и было —
на-кость, выкуси! —
я сам хочу
финты красиво выполнить.
И вот уже
защита проворонила,
и я уже возник
перед воротами,
вопят трибуны —
мальчики и девочки, —
и мне вратарь
глазами знаки делает...
Я бью с размаху
в правый верхний угол.
Бросок! Вратарь
летит на землю пугалом,
но где уж там...
Удар неотразимый!
Как материт меня
вратарь-разиня!
Я оглушен
команды нашей криками,
и тренер
как-то очень странно кривится,
и голос информатора
противный:
«Счет 0:1».
Ликует... наш противник,
и по трибунам
ходят волны ропота.
Ах, черт возьми,
я бил в свои ворота!

И сам себе я
 повторяю шепотом:
 «А что потом,
 а что потом,
 а что потом?..»

МАРТ ПРОСТОДУШНЫЙ

Булату ОКУДЖАВЕ

Собирайтесь, фехтовальщики, боксеры,
 теннисисты,
 велогонщики, жокеи —
 все, кто сердцем юн и чист!
 Разобьемся мы на пары:
 с шахматистом шахматистка,
 с теннисистом теннисистка,
 с фигуристкой фигурист.
 Мы куда-нибудь отправимся,
 далеко или близко,
 по дороге напевая
 летку-енку или твист.
 А потом перемешаемся:
 с боксером фигуристка,
 с футболистом акробатка,
 с теннисисткой шахматист.
 Не пираты, не злодеи,
 не сектанты-адвентисты,
 на успех и одобренье
 мы имеем верный шанс.
 Мы споем и потанцуем,
 как и свойственно артистам,
 а потом объединимся
 и сыграем в преферанс!

— Стой здесь,
пока не выпущу!

Рисунок
С. ВЕТКИНА.

Борис ЮДИН

НЕЛЬЗЯ

Новелле МАТВЕЕВОЙ

Стисну руки до хруста, до боли я...
Вспыхну я, как пунцовый пион...
Есть на свете страна Футболия,
И столица ее —Стадион.

Потрудились лопатки и грабельки,
На траве — изумрудом роса...
Ветер мальчикам, как корабликам,
Надувает трусы-паруса...

Мчатся красные... синие... красные...
Мчитесь, милые. Я вас люблю.
Как снежинки надежды напрасные
Тихо тают... А счет — по нулю.

Не пинайте его! Не пинайте!
И рукой зачем по мячу?
Трель свистка... Неужели пенальти?
Ах, зачем? Не хочу! Не хочу!

Не смешаюсь с кликушами-дамами,
Тихо, скромно пойду прямиком
Не с «Торпедами», не с «Динамами» —
Только с ним, дорогим «Спартаком».

И не менее... и не более...
Вот моя дорожка-стезя...
Есть на свете страна Футболия.
Можно ль мне без нее?
Нельзя!

У ВОВЫ ПРАЗДНИК

Агнии БАРТО

Вова счастлив! Вова рад!
Это лучше всех наград!
Он загнал в приемник гвоздик...
Он покрасил Мурке хвостик...
На обоях у окна
Он нарисовал слона...
Съел конфеты, мед, печенье
И залил компотом пол...

Потому что мама с папой,
Дядя Петя с тетей Капой,
Старший брат студент Никита
И его невеста Рита
Вместе с дедушкой Касьяном,
Вместе с бабушкой Татьяной
Все ушли смотреть футбол.

МЕЖДУНАРВСТРЕЧА

Роберту РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

Тыщи
заботами
забитых голов
Ждут
по субботам
забитых голов.

У РОДОНАЧАЛЬНИКОВ ФУТБОЛА.

— Если полузащитник оценивается в 80 тысяч фунтов стерлингов, то сколько стоит целый защитник? (Англия.)

— Судья: «Хелло, джентльмены, может быть, немножко поиграем в футбол?» (Англия.)

Спаяны
зрелищем,
мускулами,
музыкой.

Играют наши
с гостями —
французами.

Словно
при виде пугала
вой:
— Угловой!
— Судью
вон!

На трибуне
живые волны
плещутся,

В волнах
снуют
мальчишки-подлещики...

— Мо-
лод-
цы! —
визжат болельщицы...

— Стер-
ве-
цы! —
вопят болельщики...

Мяч
с полуполя
в ворота вlepлен.

— Тре-
бьен!
— Вели-
колепно!

— Широка-а-а
страна-а
родная...

— Аллон, з
анафи
де ля-а-а патри...

Подбили кого-то,
кого — не знаю.
Скорее «скорую»!
«03»!
Дрожу-
волнуюсь... Я же не робот —
Наоборот —
Рождественский
Роберт.

— Это новинка летнего сезона!..

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Яков *КОСТЮКОВСКИЙ*

НЕОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА

Корнею ЧУКОВСКОМУ

За морями, за горами,
За дремучими лесами,
Где расцвел зеленый дол,
В королевстве был футбол.

И, как водится, футбол
Ералаш там произвел:

С короля снял паж камзол
И помчался на футбол.
А король забыл, что гол,
И помчался на футбол.

Вслед премьер закрыл свой стол
И помчался на футбол.
Ждать не стал его посол
И помчался на футбол.

Бросил принц спрягать глагол
И помчался на футбол.
Мэтр ему поставил кол
И помчался на футбол.

Парикмахер дам подвел
И помчался на футбол.
Огорчился слабый пол
И помчался на футбол.

Врач к больному не зашел
И помчался на футбол.
Тот воскликнул: «Произвол!» —
И помчался на футбол.

А звонарь закрыл костел
И помчался на футбол.
Мэр составил протокол
И помчался на футбол.

Спрятал меч палач в чехол
И помчался на футбол.
Смертник вмиг в себя пришел
И помчался на футбол.

* * *

Я бы до конца довел
Эту сказку про футбол,
Я б еще сто рифм нашел
К слову чудному «футбол»,
Но за мной сосед зашел...

Я помчался на футбол.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Безыменский. «Вокруг мяча»	2
Андрей Старостин. «Пятьдесят футбольных лет»	3
Юрий Трифонов. «Признание в любви»	7
Юрий Олеша. «Ни дня без строчки»	10
Илья Ильф, Евгений Петров. «Любители футбола»	16
Ярослав Гашек. «Дружеский матч»	20
Лев Кассиль. «Турецкие бутсы»	26
Константин Ваншенкин. «О спортивных болельщиках»	33
Константин Симонов, Вадим Синявский. «Открытие футбольной Америки»	34
Николай Озеров. «Мой репортаж»	39
Лев Яшин. «Финт на краю пропасти»	42
Зиновий Паперный. «Я бью по воротам»	46
Борис Ласкин. «Туман над Темзой»	50
Андрей Вознесенский. «Футбольное»	54
Джанни Родари. «Судья Справедлини»	56
Анатолий Потемковский. «Мы любим спорт»	58
Дм. Иванов, Вл. Трифонов. «Пенальти»	60
Евгений Евтушенко. «Прорыв Боброва»	63
Паупико. «Почему я стал болельщиком»	66
Николай Елин, Владимир Катаев. «Экзамен»	68
Ласло Таби. «Выдержал!»	71
Михаил Жванецкий. «О футболе»	73
Андрей Яхонтов. «Классные занятия»	75
Иоганнес Р. Бехер. «На игру футбольной команды»	77
Владимир Панков. «Специалистка по футбольным эмоциям»	79
Ясон Герсамяя. «Футбол в Сариско»	81
ПОДРАЖАНИЯ (литпародии — как бы написали о футболе):	
Мих. Раскатов. «Не для меня» (Белла Ахмадулина)	83

Александр Иванов. «Баллада о левом полузащитнике» (Евг. Евтушенко).	84
«Март простодушный» (Булат Окуджава).	86
Борис Юдин. «Нельзя» (Новелла Матвеева).	87
«У Вовы праздник» (Агния Барто)	88
«Международстреча» (Роберт Рождественский)	88
Яков Костюковский. «Неоконченная сказка» (Корней Чу- ковский).	92

ВОКРУГ МЯЧА

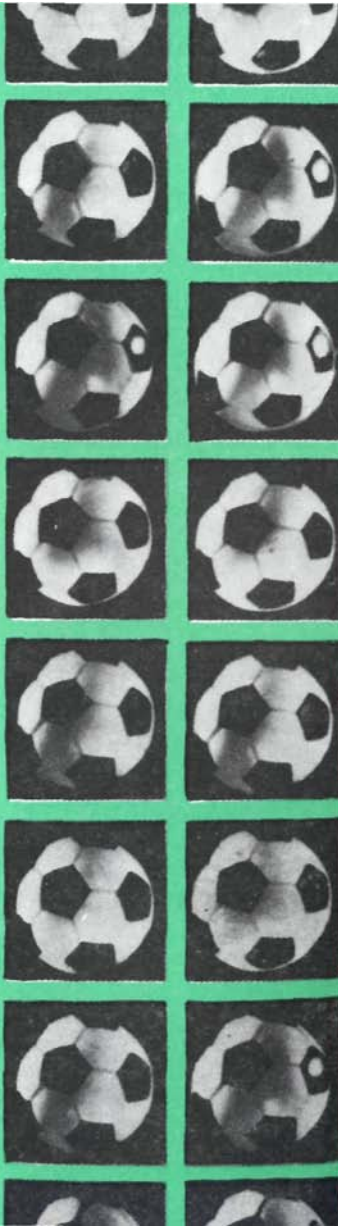
Составитель Н. Л. Елин

Редактор А. С. Пьянов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 25.02.87 г. Подписано к печати 21.05.87 г.
А 03429. РВР. Формат 70 x 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,20.
Учетно-изд. л. 5,07. Усл. кр.-отт. 4,55. Тираж 75000.
Изд. № 707. Заказ 269. Цена 40 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

A grid of soccer balls arranged in rows and columns. The balls are white with black pentagonal patches. The grid is set against a dark background with green borders between the cells. In the second row, the first two cells contain text.

Цена 40 коп.

Индекс 72996